

Сергей Перминов

*Бешеная
Мария*

Сергей Перминов

Бешеная Мария.
Документальные легенды

«Издательские решения»

Перминов С. С.

Бешеная Мария. Документальные легенды / С. С. Перминов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858355-1

Эта книжка — попытка по-новому пересмотреть известные факты и легенды Второй мировой. Попытка поставить себя на место тех, о ком попытался рассказать. Есть такой термин — «документальные легенды». Это одна из таких попыток. Здесь свой взгляд на гибель трёх знаменитых линкоров фюрера, сборный персонаж наших пропавших без вести и одна из легенд Бреста о «фрау мит автомат» или «Бешеной Марии». Надеюсь, что мне удался мой опыт в прозе.

ISBN 978-5-44-858355-1

© Перминов С. С.
© Издательские решения

Содержание

А денег не возьмём!	6
Пауль	8
Катаев	10
Фон Дер Гольц	12
Иванцов	13
Пурцеладзе	15
Эрих	16
Гельмут	19
Вернулись все?	24
Последний штурм	26
Котлинский	29
В ночь на шестое августа	31
Атака мертвецов	34
Исход	37
Эпилог	39
Не сдавшийся в плен	44
Политрук	45
Немецкий лётчик	47
Траурный обряд	50
Тихая обитель	53
Последний бой	55
Два с половиной часа	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Бешеная Мария Документальные легенды

Сергей Сергеевич Перминов

© Сергей Сергеевич Перминов, 2017

ISBN 978-5-4485-8355-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А денег не возьмём!

Посвящается столетию Первой Мировой.

Вместо предисловия.

Я всегда обращаюсь к читателю на «ты». Так создаётся впечатление, что мы сидим на кухне. Либо у меня, либо у моего визави. Или же мы едем в поезде дальнего следования, где на «ты» уже через полчаса. Там откровенность зашкаливает по той простой причине, что каждый, сойдя на своей станции, может быть больше никогда и не встретится с тобой. Надеюсь, что сказанное оправдывает меня. Правда? Итак, на «ты»?

У тебя сохранились в семейных альбомах старые-старые фотографии твоих прадедушек и прабабушек? А для кого-то и прапрадедушек, и прапрабабушек? Нет? Жаль! Но дело поправимо. Волшебник интернет найдет их лица. Лица начала прошлого века. И лица эти молодые, здоровые и серьезные. И стоят давно ушедшие от нас наши молодые старики, опираясь на шашку, или винтовку, или на подставку в салоне какого-нибудь фотографа. Потому, что тогда тоже шла война. И они называли её Великой. Или Второй Отечественной после войны с Наполеоном. Или Германской. А чуть позже – Первой Мировой. Которая перелопатила карту мира и Европы. Две пули Гаврилы Принципа, убившие в Сараево эрцгерцога Фердинанда и его жену Софию, рикошетом уничтожили династии Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых... Рухнула Австро-Венгрия. На колени была поставлена Германия. Исчезла с карты мира Российская Империя... А люди, захватившие власть после той войны на немецкие марки в России, назовут её «империалистической», проигранной «бездарными царскими генералами». Но взгляните внимательно в лица русских солдат и офицеров той войны. Они, словно предвидя будущее, спрашивают нас: «Как же так? Как же так случилось, что мы, не отдав ни пяди нашей земли, видим, что новая ваша власть отдала немцам половину Украины? Как же вы сумели потом в лесах Финляндии заморозить целые соединения русских солдат, заплатив за эту бездарную, короткую войну такую огромную цену? Почему в сорок первом году вы сдавались битому нами немцу целыми полками и армиями? Как же так могло случиться, что

на стороне врага воевали целые туземные легионы узбеков, татар, казахов? И уж ни в какой, самой страшной, фантазии мы не могли представить, что в войсках СС будут воевать те, чьи атаки в наше время наводили панический ужас на врага – казаки Дона, Урала, Кубани и Терека? Как же так случилось, что в тех же войсках была сформирована целая дивизия СС „Галичина“, состоявшая целиком из украинцев? А генерал Власов, бросив на уничтожение свою армию, перешёл на сторону врага и создал другую, где русские воевали против русских? Вы можете привести нам, давно ушедшим из этого мира, много веских причин в своё оправдание. Но один наш пример, который генералы советской эпохи старались вычеркнуть из памяти народа и армии, сметёт все ваши оправдания! Это пример крепости Осовец. Пример доблести и отчаянного героизма русского солдата, перед которым меркнут подвиги солдат других армий мира».

Вот так, молча, спрашивают нас они с этих старых-старых фотографий. А что знаешь ты про Осовец? Что знаешь ты о крепости, находящейся теперь на территории Польши? Я попробую тебе рассказать. Опираясь на документы, которые смог найти. И пусть простят меня маститые историки, расскажу так, как увидел эту историю я, потрясённый героизмом солдат и офицеров той войны. Потому, что мы не имеем права об этом забыть. Пусть это будет рассказ о бессмертной доблести для тех генералов «Арбатского военного округа», которые получали ордена за выслугу лет, что в Императорской русской армии не практиковалось. И где сам Государь Император был всего лишь полковником.

Пауль

Пауль фон Гинденбург, будущий канцлер Веймарской республики, а пока ещё генерал-фельдмаршал кайзеровской Германии знал, как надо управлять войсками. Но скажи ему кто-нибудь сейчас, что через двадцать лет он отдаст свой пост ефрейтору Адольфу Шикльгруберу, не поверил бы! Да и сам Адольф посчитал бы это бредом больного на всю голову человека. Адольф торчал пока в окопах. Где-то на западном фронте. А он, Гинденбург, стоял у окна в своем штабе и размышлял: «Чёрт поймёт этих русских! От границы Восточной Пруссии до крепости Осовец всего двадцать три с половиной километра. Во Франции мы бы проскочили их за день. Максимум два! А здесь... Дерутся за каждый метр! Чтобы взять Граево, пришлось целых четыре дня давить на третий Сибирский корпус! И ведь почти захватили... Так нет! Из крепости подошёл отряд в два батальона, артбатарея и казачья сотня. Разведка доложила, что это батальоны двести двадцать шестого Землянского полка. Они, видите ли, хотели и обеспечили – чёрт бы их побрал! – плавный отход сибирцев. И все попытки сбить их с позиций и, на их же плечах ворваться в крепость, провалились. А к вечеру подошёл ещё батальон, и ещё одна батарея. Дрались, как британцы... Даже злее! Мало того, с подходом ещё двух батарей, двести двадцать восьмого Епифанского полка и четырёх сотен казаков, перешли в наступление! Но Бог не оставил меня. Мой начальник штаба Эрих Людендорф просчитал всё точно. И остановил их. Но ведь с утра до вечера тринадцатого февраля мы бодались с ними у этих позиций!»

Не реагируя на скрип двери, но услышав спокойный шаг своего начальника штаба, Пауль фон Гинденбург медленно повернулся.

– Эрих! Не надо доклада. Нас здесь двое. И о субординации можно забыть. Надеюсь, что ты хочешь сообщить мне что-то интересное? Итак...

– Итак, Пауль, мы подтянули свежие части от Простена, Усцянок, Попова, и перешли в наступление с этих направлений. С охватом сёл Бочки и Сидорово. По нашим данным резервов у них нет. Появилась великолепнейшая возможность прижать их правый фланг к болотам и уничтожить.

– И это за война, Эрих!? Слева болота, справа болота, речка Лек... и только на узком пространстве самый короткий путь в Россию. И пройти его просто так не получится. Слава Всевышнему, что этот Осовец в принципе не крепость. А сильно укрепленный опорный пункт с открытым тылом. Если бы не эти болота! Мы бы охватом перерезали железную дорогу и вопрос решён! Но ничего! Льеж пал под нашей осадной артиллерией. Льеж!!! И Осовец не будет для нас препятствием. Пленные что говорят, Эрих?

Пленные говорят, что помощь Граевскому отряду, до своего перевода, формировал ещё Шульман, бывший комендант. А командует ими один из лучших офицеров – полковник Катаев.

– Что-то, видимо, я не понимаю в этой жизни... Как его полное имя?

– Бывшего коменданта, отбившего наш первый штурм?

– Да.

– Карл-Август Александрович.

– Но он же этнический немец! Фольксдойч! А истово дерётся на их стороне!

– Однако, Пауль, его семья ещё с петровских времён верой и правдой служит российскому престолу. Так, что немцем, в полном смысле, я бы его не назвал. И ведь

не только он! Барон Алексей Павлович фон Будберг тоже верен присяге, данной Императору России!

В штаб вошёл адъютант Людендорфа и передал сводку. Козырнув, вышел и тихо закрыл за собой дверь.

– Что там, Эрих? Надеюсь без сюрпризов?

– Русские отходят частью сил в направлении на Осовец.

– Рубеж?

– Судя по их движению на линию Руда – Околь – Лосево – высота шестьдесят девять и три. Ох, не дурак Катаев! Не дурак!

– Ясно, что не дурак! Сейчас закрепится, потом два генерал-фельдмаршала будут в лоб атаковать эти позиции. А крепость получит несколько дней для укрепления верков и редутов перед штурмом!

Гинденбург плюхнулся в кресло.

– Господин главнокомандующий! Я предвидел это. Если они начнут там окапываться, то, заняв деревню Опартово, мыотрежем их от Белашево.

– Дай Бог нам удачи, Эрих!

Утром пятнадцатого февраля немцы вошли в Опартово. Но сводный отряд Катаева отошёл на позиции Цемношие – Белашево. Начав манёвр в три пополудни, он занял заранее подготовленные позиции к восьми вечера. Окружение не состоялось! Ещё и потому, что боясь «сюрпризов» пруссаки двигались осторожно, высылая вперёд разведку. И позиция, за которую им теперь пришлось драться, для них оказалась тяжелее той, оставленной русскими. Теперь к узкому сухому перешейку болота будто бы «сбежались» ещё ближе. А за ней была ещё река Бобёр, Рудский канал и опять болота, болота, болота... И только в лоб, только заплатив немецкими молодыми жизнями, два генерал-фельдмаршала могли чего-то добиться. А солдаты русской Императорской армии не французы, не британцы. Ни тем, ни тем в храбрости тоже не откажешь. Но ввиду явного превосходства сил они обычно сдавались. А от русских можно было ожидать чего угодно! И Людендорф, и Гинденбург прекрасно знали это. Но очень надеялись на свою артиллерию. И пока они думали почему Катаев «не поставив их в известность» избежал окружения, он тем временем, выслав вперёд пешую разведку и оставив заслон на линии высот пятьдесят шесть и четыре – пятьдесят семь, ноль – Гацке – Сеничке, начал готовиться к обороне нового рубежа.

Катаев

Полковнику Катаеву карта была не нужна. Он знал местность наизусть. Ещё по тысяча девятьсот двенадцатому году, когда Государь Император был здесь с инспекторской проверкой. Он вспомнил, как весело улыбался Николай Александрович глядя на умелые действия пехоты. Как искренне был изумлён работой артиллерии крепости.

– Господин комендант! – обратился он тогда к Шульману. – Я поражён меткостью Ваших артиллеристов!

– Не удивительно, Ваше Императорское Величество! Ими командует мой заместитель, великолепнейший артиллерист генерал Николай Александрович Бржозовский.

– Вынесите ему мою личную благодарность после инспекции. Снайперы, да и только!

Вспомнил Катаев и другое посещение Императора, во время первого штурма. В сентябре двадцать пятого дня прошлого года. Тогда, между обстрелами, Государь вручал отличившимся Георгиевские кресты. И прекрасно видел, что Шульман был как на иголках. Но парад Георгиевских кавалеров прошёл на удивление спокойно. Будто немцы специально дали его провести. Главнокомандующий тогда неожиданно спросил гарнизонного священника: «Страшно ли было Вам, батюшка, во время прошлого обстрела?» На что тот ответил: «Нет, Ваше Императорское Величество! Только мне скучно стало, когда снаряды стали ложиться близ церкви. И я ушёл в храм». Но когда утром двадцать шестого Император, посетив один из фортов отбыл из крепости, Карл-Август Александрович Шульман истово перекрестился. Не «выволочки» от Государя боялся он, нет! За жизнь его тряслась душа коменданта, как овечий хвостик. Тем паче, что ввечеру немцы начали обстрел снова. А неделю спустя комендантом крепости Осовец стал генерал Бржозовский. Потому, что Шульман ушёл на повышение. Это Катаев тоже помнил. Он стоял в свите Государя и слышал каждое слово.

От этих воспоминаний его отвлекли офицеры отряда, собравшиеся на совещание.

– Господа офицеры! – начал Катаев, – Я желал бы обсудить с вами расположение наших частей на этой позиции.

И то, что решили на этом совещании, полевой связи и со связными было отдано в соединения.

Решено было три роты Землянского полка развернуть севернее Цемношие по обе стороны дороги на деревню Руды.

Второй батальон землянцев занимает окопы на опушке леса у железнодорожной казармы.

Приданная артиллерия по плану выдвигалась южнее Цемношие, чтобы своим огнём прикрывать любое направление атаки противника.

Батальон Епифанского полка окапывается у Волька Бржозова.

Ещё полтора батальона епифанцев у Белашево.

Последний батальон этого полка уходит в резерв и дислоцируется в деревне Сосня.

Ополченцы-ратники – у Пржеходы.

Конница прикрывает Климашевницу.

– Ну, а мой штаб будет в вагоне у перекрёстка железной и грунтовой дороги на ту же Климашевницу. Я буду там! – поставил последнюю точку в совещании Катаев. – С Богом!

Утром, семнадцатого февраля, прискакал связной сторожевого охранения: «Ваше высокоблагородие! Германцы начали движение по всему фронту. Согласно Вашему приказу мы отходим на юг».

– Так, господа! Пруссаки зашевелились, – и уже обращаясь к связному, – Голубчик! Скачите в крепость. Сообщите коменданту и попросите подкрепления. Надо заменить измотанные части пятьдесят седьмой дивизии. Пусть отдохнут в крепости. Предстоят бои.

– Слушаюсь! Братцы! – обратился связной к солдатам охраны. – Дайте водицы!

Кто-то протянул ему фляжку. Сделав несколько больших глотков, он замахнул в седло и ускакал.

Около двенадцати часов дня на позиции Катаева прибыл сто первый Пермский пехотный полк. Три батальона начали замену частей на передовой. Один решили отправить в резерв. Но внезапно вспыхнувшая перестрелка сорвала все планы. Немцы перешли в решительное наступление. Треск винтовочных залпов и пулемётных очередей звучали всё громче и громче. Бой разгорался. Но не зря артиллеристы крепости Осовец получили на смотре высокую оценку Императора. И поскольку противник был уже в зоне досягаемости они вступили в дело. Разрывы снарядов вначале остановили наступающие цепи, а потом, накрыв их, погнали обратно. Атака захлебнулась.

– Адъютант! – крикнул, не отрываясь от бинокля, Катаев. – Скачите к пермякам! Пусть дадут по батальону землянцам и епифанцам. А сами отходят в окопы на опушке леса. Наверняка пруссаки откроют огонь по их позициям. Пусть снаряды бьют по пустым окопам. Да, и пошлите кого-нибудь к казакам в Сойчинец. Чует моё сердце – ударят они по Климашевнице!

Фон Дер Гольц

Гинденбург умел сдерживать своё раздражение. Его положение в германо-австрийской армии не позволяло орать на подчинённых. Но оно же и требовало, чтобы его приказы выполнялись. Любой ценой. Он спокойно расположился у огромной карты района боевых действий и как бы равнодушно попросил адъютанта штаба пригласить командира дивизии ведущей наступление. А пока тот не появился одна и та же мысль доводила его до хорошо скрытой злости: «Зима... февраль месяц... И ведь в лоб атакуем! Эти чёртовы болота не замерзают даже в морозы! Местные, да и разведка тоже, говорят, что в них много тёплых ключей...»

Граф Рюдигер фон дер Гольц, командир ландверной дивизии, уже минуту стоял вытянувшись. А Пауль фон Гинденбург, казалось, и не замечал его. Он всё смотрел на огромную карту, лежащую на штабном столе. Но вот он медленно поднял глаза, вздохнул, бросил трёхцветный карандаш и выразительно поднял брови: «Граф, я удивлён! Вам что, не хватает артиллерии? Лично мне кажется, что в частях Вашей дивизии её столько сколько не имеет ни одна часть нашей австро-германской армии. И какого чёрта Ваш восемнадцатый ландверный полк топчется у Цемношие? А девятнадцатый у Белашево? Я, наверное, сменю командиров этих полков.

– Разрешите возразить, господин генерал-фельдмаршал?

– Если это будет оправдано, попробуйте, Рюдигер.

– Экселенц! Цемношие уже несколько раз переходило из рук в руки. Но этот Землянский полк постоянно бросается в контратаки. Епифанский в Белашево тоже. Наши солдаты изумлены такой настойчивостью! Похоже, что русских мало интересуют собственные потери. Мы просто не выдерживаем такой откровенной резни!

– Я Вас прекрасно понимаю, граф! Это, конечно, ужасно! Но мне нужен Осовец.

Пауль фон Гинденбург встал из-за стола, подошёл к окну и, не оборачиваясь к фон дер Гольцу, продолжил: «Эта пробка в узком горлышке между болотами закрыла нам кратчайший путь в Россию. И чем быстрее мы выйдем её оттуда, тем быстрее будем пить шампанское и в Петербурге, и в Москве. Вам это понятно, я думаю?».

– Экселенц! Мы сегодня ночью вновь выбили русских из Цемношие. Но утром начался ад. Крепостная артиллерия Осовца накрыла нас таким плотным огнём, что создалось впечатление будто на каждого нашего солдата приходится по снаряду! На левом фланге девятнадцатый полк ворвался в Белашево. Но противник, отойдя на заранее подготовленные позиции, встретил нас так, при поддержке артиллерии, что солдаты и головы поднять не могли! Потери огромны!

– А что случилось в Климашевницах?

– Господин генерал-фельдмаршал! Климашевницы мы взяли на удивление легко. Всего одним батальоном. Но две сотни казаков, вылетев из Сойчинака, вырубали его почти весь! Спасти удалось немногим.

– Рюдигер! Вот слушаю Вас и мысленно сравниваю погоны офицеров германской армии и рядового состава. Согласитесь – у них скромнее, да? Если Вы, граф, не выполните задачу, то я, как Главнокомандующий, могу Ваши заменить. На погоны рядового. Идите, граф. И подумайте об этом. Хох!

– Хох, герр генерал-фельдмаршал!

И, круто развернувшись, Рюдигер фон дер Гольц покинул штаб.

Иванцов

– Ваше благородие! – фельдфебель 3-й роты Епифанского полка Гнатюк, отряхивая землю с папахи, обратился к штабс-капитану Иванцову.

– Да, Гнатюк! Говорите.

– Ваше благородие! С утра садит и садит! Ажно дых захватывает. Мы Белашево не удержим. Людей погробим зазря. Сами видите уже и крупнокалиберными бьёт.

– А где ваш поручик Смирнов? Почему ты докладываешь, а не он?

– Виноват, Ваше благородие! – Разорвавшийся вблизи снаряд снова засыпал их землёй на НП. – Это его слова. Телефон перебит где-то. Вот меня они и послали. Их благородие в обе ноги ранетые. За пулемётом лежат.

Иванцов снова поднёс к глазам бинокль: «Вижу, братец, вижу, что не удержим! Уже и Белашево горит за нашими окопами... Хорошо! Бегите обратно в роты и передайте: отходим на запасную позицию за деревней. Сколько в ротках штыков?

– Где пятьдесят, где семьдесят! Но полного состава нет нигде.

– Пусть отходят! По возможности незаметно. Не первый раз немцу бить по старым позициям. Нам их снарядов не жалко. И Смирнова, если жив, выносите с собой. Выполнять!

– Слушаюсь, Ваше благородие! – силясь перекричать канонаду, козырнул Гнатюк. И бросился обратно.

В окуляры бинокля Иванцов видел, как прячась за густым дымом горевшего Белашево остатки полка просачивались между домами и заполняли занесённые снегом окопы за деревней. А противник продолжал методично накрывать артогнем брошенную позицию. «Стреляйте! Стреляйте! – зло сплюнул Иванцов. – Нас в Белашево уже нет. А отсюда мы уйдём не скоро!». Снежные заряды, временами закрывающие обзор, раздражали Иванцова. «Как некстати!» – думал он. Но и между ними было видно, как разведка 19-го полка противника осторожно приближалась к брошенным окопам епифанцев. И, тем не менее, боковым зрением увидел, как к его НП кто-то быстро приближается пригнувшись. Рука машинально скользнула на кобуру револьвера. Но, подумав, он оставил её в покое. Пруссаки были ещё далеко. В окопчик НП скользнул офицер в башлыке поверх шинели: «Разрешите представиться? Подпоручик 84-го Ширванского полка, князь Гугулидзе. Антон Михайлович».

– Какими судьбами, Антон Михайлович? – и уже представляясь сам, – Владимир Семёнович Иванцов.

– Солдатики нашего полка сейчас меняют землянцев под Цемношие, а пермяки вас. Когда, в начале десятого, мы прибыли в крепость, Бржозовский попросил заменить вас как можно быстрее. И вот мы здесь.

Иванцов посмотрел в сторону своих окопов. Там пермяки по-хозяйски устанавливали пулемёты, помогали епифанцам вычищать снег...

– Тогда просветите меня, князь. Почему Вы с пермяками?

– Милый Владимир Семёнович! Всё просто – мы корректировщики. В крепость из Кронштадта привезли два дальнобойных орудия системы Канэ. У крепостных артиллеристов есть и свои. Но, согласитесь штабс-капитан, лишние глаза на поле боя никогда не лишние. Так? А вот и нам полевой кабель тянут! Так, что мы теперь со связью, Владимир Семёнович!

– Ваша правда, Антон Михайлович! А скажите, князь, у Вас тот же командир полка?

– Проверяете? – чуть насушился Гугулидзе.

– Ни в коем разе! Просто со старым был знаком давно. Ещё в юнкерах.

– О, мой друг! Всё течёт, всё изменяется... Теперешний командир Пурцеладзе. Григорий Михайлович. Однако заметьте штабс-капитан, немец стал как-то лениво постреливать из орудий... Не задумал ли чего?

– Н... да! А ведь точно! Видимо дал нам время познакомиться. Шучу конечно, князь. Но пока своих отводить не буду. Часом раньше, часом позже... потерпим?

– Ваше право, Владимир Семёнович. Но это была рекомендация Николая Александровича.

– Бржозовского? Ну, так я и не собираюсь не выполнять его рекомендаций. Задержусь немного и всё. В самом деле что-то созревает. – Иванцов снова посмотрел в бинокль в сторону Белашево. – И кажется мне, князь, что через час-другой каждый штык будет на вес золота...

Пурцеладзе

– Ваше Превосходительство! – козырнул войдя в штабной каземат крепости полковник Пурцеладзе. Генерал-майор Бржозовский, улыбнувшись, повернулся к вошедшему: «Ага! Старый вояка Георгий Михайлович? Рад, батенька! Весьма рад! Ну и что же натворили там Ваши ширванцы?»

– А что они могут натворить плохого, Николай Александрович? Стоим пока. Мой полк свеженький! Хотели подменить Ваши части, да тянут они со сменой.

– Вы не представляете, полковник! Впервые встречаюсь со скрытым неповиновением. Все, от рядового до офицеров, понимают, что противник превосходит нас в живой силе. И выкладываются полностью. Это и хорошо, и плохо. Что ещё?

– Я только что с передовой, Николай Александрович. Катаев просил передать, что силы противника он оценивает примерно в дивизию.

– Катаев всегда реально видит обстановку. Но такое количество осаждающих делает нам честь. Согласны со мной, Георгий Михайлович?

– Николай Александрович! Когда я был там, он при мне в самых строгих выражениях потребовал от землянцев отойти на отдых и переформирование. Уж очень сильно их потрепали. Некоторые даже ворчат, что бережёт своих.

– Ну и молодец он! И, слава Богу. Землянцы в предыдущих боях и так отличились сверх меры. А Катаева может упрекнуть только близорукий. В бою он своих не прячет. Да и они доверяют ему. Вас тут не было, когда мы назначали его командиром сводного отряда. Так он заявил конкретно: «Без моих землянцев прошу не давать мне этот пост!». Геройский полк! Вот затишье – это мне не нравится... Сегодня у нас двадцатое февраля? Ох, не нравится мне это затишье, Георгий Михайлович.

Телефонный звонок разорвал тишину. Бржозовский снял трубку: «Слушаю! Так... Дальше... Bravo, ротмистр! Потери? Всё-таки теряем людей, Кирилл Константинович... Что ж поделаешь, война! Держитесь!». И на вопросительный взгляд Пурцеладзе, Бржозовский ответил: «На правом фланге батальон противника атаковал позиции у Пржеходы. Посчитали, что ратники не регулярные части и там можно прорваться. Но ополченцы ротмистра Завады отбились и сохранили позицию.

– Похоже, началось?

– Не думаю! – ответил комендант. – Скорей всего разведка боем. Зная немецкую основательность, уверяю Вас Георгий Михайлович, надо ждать ещё более мощного удара. Им нужен Осовец! Очень нужен! И не факт, что сама крепость. А то, что за ней – самый короткий путь в Россию.

Эрих

Гинденбург и Людендорф, нанеся на карту новое положение воюющих сторон, решили передохнуть и подумать. Настоящее не устраивало их ни в коем разе. Эрих Людендорф позвонил в колокольчик и в дверях безмолвно вырос дежурный офицер. Людендорф вопросительно взглянул на Гинденбурга и, когда тот утвердительно кивнул, бросил через плечо: «Два чая!». Дежурный принёс желаемое. И растворился. А две умнейших головы германо-австрийской армии начали свой разговор далёкий от субординации. Два старых вояки могли себе это позволить.

– Мне непонятно одно. – продолжил прерванный разговор Людендорф. – Ведь мы, Пауль, превосходим их по всем статьям. По всем! В три раза. А засели здесь, как... – он невесело ухмыльнулся. – У наших визави есть пословица: «Как дерьмо в проруби».

– Объёмно, Эрих! Ясно одно: если мы не возьмём Осовец, то кайзер не будет вешать нам ордена. Не повесил бы нас... Вот альтернатива! Я удивлён не меньше твоего. Помнишь ту временную позицию, которую они даже не успели вырыть в полный профиль? Мы три дня штурмовали её. Три дня! Невзирая на подавляющее превосходство в артиллерии. А что в итоге? А в итоге девятого февраля русские спокойно отошли на вторую, более подготовленную. Более того, после часового обстрела тяжёлых орудий, целая бригада германских солдат атаковала Ширванский полк. И тот же результат!

– Не всё так мрачно, Пауль! Мы же отбили утреннюю атаку пермцев и епифанцев на Белашево. Да ещё отбросили их на километр от прежних позиций. И хотя повторной атакой Пермский полк и ворвался в Белашево, мы всё равно выбили его оттуда. Поверь мне – противник измотан. И сейчас роет окопы на новом месте. Думаю, что два свежих батальона могут решить дело в нашу пользу. Их командирам даны соответствующие указания. Они готовятся к атаке. Я верю в них, Пауль! Нам остаётся только ждать.

Двадцать первого февраля Гинденбург, разбуженный артиллерийской подготовкой своих орудий, появился в штабе. Людендорф, насвистывая себе под нос увертюру из «Волшебного стрелка», что-то быстро рисовал на карте.

– Доброе утро, Эрих! – Пауль фон Гинденбург, отхлебнув предусмотрительно принесённое дежурным офицером кофе, протянул ему руку. – Колдуешь над картой, штабная крыса?

Эрих не обиделся на шутку. В самом деле он был настоящим кабинетным стратегом, теоретиком войны. Они обменялись рукопожатием.

– Как тебе картинка, Пауль?

Гинденбург мельком взглянул на карту, и всё показалось ему не так уж плохим в эти утренние часы наступившего дня. Кто-кто, а Людендорф был большим художником в нанесении оперативной обстановки. Видно, как на ладони – ополченцы русских, охваченные ударом из Ковнат, откатились на Осовец. Атаки на позиции противника шли по всему фронту.

– Эрих! А что там топчется бригада на участке Волько Бржозово – Цемношие? Плохая артподготовка?

– Нет, Пауль! – оторвавшись от карты, улыбнулся Людендорф. – Атакуем постоянно. И артиллерия неплохо работает. Но есть одно «но»: крепостная артиллерия Осовца уже достигает наших позиций. И ширванцы при её поддержке отбились.

Хотя для нас тоже есть большой плюс – наши снаряды уже накрывают Заречный форт русских. А вот измотанные части Пермского и Епифанского полков, не смотря на их отчаянное сопротивление, отжаты нами к железной дороге. Наши артиллеристы теперь бьют их и с фронта, и с флангов!

– Что ж, ты порадовал меня с утра. Сейчас главная задача прижать их к болоту. И не выпустить. Иначе они отойдут на позиции у Сосня. И нам придётся снова атаковать в лоб. Тратить снаряды и жизни людей. Постарайся сделать это, Эрих! Что там с обещанными новыми орудиями? Господин Крупп порадует нас или нет? Говорят, что новые, сверхмощные пушки он назвал в честь своей жены – «Большая Берта». А вот разведка наша меня беспокоит. Работают не так, как требует обстановка.

– Ну, зачем же так, Пауль! По данным разведки на сегодняшний день передовую Сосненскую позицию держат Ширванский полк, две роты Епифанского и четыре полевых орудия. Учитывая поддержку восьми тяжелых крепостных. На Заречном форте всего сто-сто двадцать солдат Апшеронского полка. Пермский полк частично отводится на пополнение в крепость. На предполье крепости два батальона ополченцев и десять полевых орудий. Полтора батальона ратников и десять лёгких орудий в Гониондзе. В сумме – семь с половиной батальонов. При шестидесяти, всего шестидесяти орудий разных калибров.

– А стыки?

– От Гониондзе до Карповичей два батальона второй линии, семь сотен казаков и два орудия. От Нового форта до Гончаровской гати – три с половиной батальона и шесть сотен кавалерии. Ну и в Донварах семь батальонов резерва. Получается, что на шестьдесят километров общего фронта всего двадцать семь батальонов пехоты, сапёрная, воздухоплавательная и телеграфная роты, тринадцать сотен сабель при двадцати шести полевых орудиях. Согласись, что не густо.

– Понимаю. Против сорока наших батальонов, фузилёрного штурмового полка, дюжины отрядов обеспечения, семнадцати батарей осадной артиллерии больших калибров... И в самом деле не густо. Если учесть ещё пару «Цеппелинов» и эскадрилью «Альбатросов».

– И ещё сюрприз, Пауль! Герр Крупп, радуйся, прислал нам две «Берты». Калибр 420 миллиметров. Они выгружаются на станции Подлесок.

Там их крепостные пушки не достанут. Они разнесут крепость. Так, что болота теперь не помеха.

– Вот и великолепно. Убираем сразу несколько минусов: то, что Осовец разделён рекой Бобры надвое; то, что не придётся ломать голову как обойти болота; то, что после такого обстрела крепость уже не придётся штурмовать в лоб. Штурмовать будет нечего. А что у крепости есть постоянный подвоз боеприпасов и питания уже не будет играть роли. Эрих, надо всё досконально просчитать. Пригласи сюда начальников осадной артиллерии, командиров 76-го, 75-го, 5-го и 18-го ландверных полков и приданных им батальонов. И пора уже взять эту «игрушечную», как назвал её кайзер, крепость. Нам дано на это десять дней. И мы имеем сейчас для этого больше чем нужно.

Пока Людендорф по полевой связи отдавал распоряжение и через адъютантов рассылал связных, зазвонил ещё один телефон. Гинденбург, внимательно выслушав говорившего, коротко бросил в трубку: «Приведите!». Через десять минут два ландштурмовца ввели пленного ополченца. За спиной Гинденбурга встал Людендорф.

– Вы знаете русский? – спросил его Гинденбург.

– Польский. Они похожи.

– Можно по-польски. Я поляк. – ответил пленный.

– Прекрасно! – сказал Гинденбург. – Я буду задавать вопросы. Вас будут переводить. Меня не интересует Ваше имя. В данном случае это не важно. Мне не нужно знать о количестве войск обороняющих крепость. Это мы знаем. Меня интересует настроение в войсках противника. Вас не будут пытаться и бить. Неужели не ясно, что вы всё равно проиграете? Неужели не ясно, что вы обречены!

– Я не знаю, кто Вы по чину, но на вопросы я отвечу. Вы сейчас ведёте войну на территории Польши. Потому я на стороне русских. Это ответ на первый вопрос. А насчёт обречённости... Мы не считаем себя обречёнными. Хотя нас и попросили продержаться сорок восемь часов, мы продержимся больше. Сколько? Об этом знает только Матка Боска Ченстоховска.

– Уведите! – раздражённо сказал генерал-фельдмаршал. – И с первым транспортом в тыл.

– Яволь! – козырнули лангштурмовцы и вывели пленного.

– Бог мой, Эрих! Это фанатизм! Я, признаться, даже начал их уважать. Прижмите их к болотам! Ведь мы тогда выьем самую боеспособную часть гарнизона крепости.

Что-что, а считать офицеры германской армии умели. То, что после совещания обрело форму приказа, выглядело так: после бомбардировки крепости 76-й ландверный полк наступает в направлении Сосня—Центральный редут—двор Леонова.

18-й ландверный полк, и приданный ему 47-й эрзацбатальон: вдоль железной дороги, двор Леонова, Заречный форт.

5-й ландверный и 41-й батальон: Бялогронды, Заречный форт.

Тем, кто первый ступит на территорию центрального редута, орден будет вручать сам кайзер. Офицеры артиллерии должны обеспечить полное подавление огневых средств русских и разрушение крепостных сооружений. Для этого за неделю огневого налёта должно израсходовать 200—250 тысяч снарядов всех калибров. Огонь залповый. На каждый залп четыре минуты. А так же производить бомбардировку с аэропланов и дирижаблей.

– А вообще-то мне не по себе, Пауль! – Эрих Людендорф сломал карандаш. Благо, что все офицеры после совещания покинули штаб. И эту нотку раздражения не увидел никто. – Два генерал-фельдмаршала, масса войск... и уже который месяц мы топчемся у этого укрепления!

– То-то и оно, Эрих! Кайзер на последнем совещании только один раз взглянул в мою сторону. И в ставке бурчат. Хотя бы с точки зрения престижа Осовец надо брать.

Гинденбург прошёлся по комнате из угла в угол. Подошёл к окну, задумался и вдруг, резко повернувшись, сказал: «Эрих! Найди мне смелого и толкового офицера. Я кое-что придумал. А вдруг выгорит, а? Только нужен тот, кто один в случае неудачи может принять смерть за кайзера и фатерланд.

– К какому времени?

– Сегодня к вечеру. Сможешь?

Людендорф пожал плечами: «Я попробую, Пауль! В крайне случае прикажу!»

Гельмут

Гинденбург и Людендорф предполагают, а Бог располагает... Жестко дравшийся Ширванский полк Георгия Пурцеладзе не дал прижать остатки потрепанных полков к болоту. Да и крепостная артиллерия своим точным огнём путала все карты. Но прибывшие на позицию комендант и его начальник штаба, прекрасно осознавая, что дальнейшее удержание приведёт к излишним жертвам среди личного состава, дали приказ отвести почти выбитый Землянский полк в Осовец. Для отдыха и пополнения. А остальным, более боеспособным частям, отойти на Сосненские укрепления. И здесь германская пунктуальность сработала против них же. Как обычно ночью немцы спали. А колонна оборонявшихся ночью, в полной тишине, снялась с позиций. Выполняя приказ Бржозовского. Уходили угрюмо, молча. Потому, что в середине колонны на носилках с ними уходил Катаев. Убитый осколком крупнокалиберного немецкого снаряда. Не дававшим шанса на выживание. Даже мёртвый, по узкой Гончаровской гати он уходил с теми, кто под его командованием долго оборонял вверенный участок, давая гарнизону Осовца так необходимые дни для подготовки отражения очередного штурма.

Утром, 24-го февраля, офицеры крепости были созваны комендантом на совещание. Генерал-майор Бржозовский, оглядев присутствующих, спросил: «Я не вижу штабс-капитана Журавченко. Кто подскажет, где он?». Свечников, положив трубку телефона, по которому хотел куда-то позвонить, ответил: «Николай Александрович! Журавченко со своими воздухоплатателями сейчас занимается разведкой»

– Тогда обойдётся без выговора. – сказал комендант. – А вот Вы, Виктор Николаевич, – он посмотрел в сторону полковника фон Энгеля, – имеете все шансы его получить. Вы почему не отвели своих пермяков на отдых, когда я приказал?

– Разрешите возразить, Николай Александрович? Это была рекомендация. И мы отошли. Как только позволила обстановка.

– Вот-вот... А господин Поклевский-Козелл тоже, наверняка, имеет оправдания?

– Ваше Превосходительство! Честное слово нет вины на мне! Только собрались уступить окопы ширванцам, как немец начал артобстрел. Согласитесь, что его лучше в окопах пересидеть. Потом немного постреляли и отошли.

Бржозовский развёл руками: «Впервые попадаю в ситуацию, когда за невыполнение распоряжения приходится выносить благодарность. Благодарю Вас, господа офицеры! Пермский и Елифанский полки отбили мощную атаку противника. И только после этого отвели своих солдат на отдых. Что тут скажешь! Молодцы! А теперь давайте глянем на наше положение. Без шуток. С 22-го февраля по сегодняшний день Сосненские позиции немцы не взяли. Я уже не говорю о слаженных действиях пехоты, но особо хочу отметить великолепную работу наших артиллеристов под командованием барона фон Будберга. Мне кажется, что пехота, Алексей Павлович, должна Вам сказать огромное спасибо. Я сам артиллерист. И умею по достоинству ценить работу своих коллег. Далее, господа – в ночь с 26-го на 27-е будем делать вылазку. Дабы обнаружить расположение тяжёлых орудий противника и уничтожить. Три батальона будут действовать в направлении Сойчинок—Цемношие. А две-три роты Пржеходы—Сойчинок-Климашевница. Противник понимает, что не уничтожив крепостную артиллерию Осовец ему не взять. А по сему – разведка, диверсии, и, ещё раз, разведка.

Раздавшийся телефонный звонок прервал Бржозовского. Николай Александрович поднял трубку: «Извините, господа! Да, слушаю Вас... интересно... так-так... спасибо, штабс-капитан! Продолжайте следить».

– Господа офицеры! – Бржозовский, положив трубку на рычаг, медленно обвёл взглядом присутствующих. – Хоть мы и ждали чего-то такого, но, кажется, противник подготовил нам ещё один сюрприз. Аэроплан наших воздухоплателей засёк в районе Подлесок выгрузку с платформ каких-то новых тяжёлых орудий. Если мы не отреагируем, то неизвестно, что нас ждёт. И ещё одна скорбная весть – убит командир Землянского полка. Он же командир сводного отряда. Печально, господа офицеры. Новым командиром землянцев назначаю подполковника Скокова.

– Ваше превосходительство! – полковник Пурцеладзе привстал со своего места. – В моём полку есть несколько «охотников», которых в разведке вряд ли кто превзойдёт. И командует ими «сорвиголова» князь Гугулидзе. Если я дам команду, то самое позднее к двум ночи мы будем знать об этих орудиях если не всё, то очень много. Разрешите?

– Прошу! – Бржозовский подвинул ему коробку телефонного аппарата. Пурцеладзе, выйдя на коммутатор, соединился со своим полком: «Кто? Унтер-офицер Шиванёв? Гугулидзе! Срочно! Доброе утро, князь. Засиделись, говорите? Тогда с десятком своих молодцов вечером выдвигайтесь в район Подлесок и Белашевского леса. Определите количество орудий там, калибры, ну и всё остальное... Да... Разумеется... Антон Михайлович, это срочно! К двум... Ни в коем случае! Тихо пришли – тихо ушли... Никаких! Тихо – туда и обратно... Всё! Выполняйте!».

– Выполнит? – замкоменданта вопросительно взглянул на полковника

– Так точно, выполнит!

– Бог ему в помощь! – Михаил Степанович Свечников перекрестился на эту фразу.

Вошедший в штабной каземат дежурный вытянулся перед комендантом: «Ваше превосходительство! Солдаты привели парламентёра».

– Парламентёра, говорите. Интересно! Что ж, давайте, голубчик, давайте.

Вошедший германский офицер в полной парадной форме, никому не козырнув, бросил через плечо конвойным солдатам: «Гее раус!» На что Бржозовский еле скрывая раздражение, ответил ему по-немецки: «Вы несколько неправильно ведёте себя в штабе противоборствующей стороны. И зря считаете, что наши офицеры дикари. Офицер русской императорской армии разговаривает, как минимум, на двух языках. Если Вы не понимаете по-русски, то мы можем свободно говорить на Вашем!».

– Прекрасно! Я хочу, чтобы предложение нашего командования слышали все.

– Вы хотя бы представились. – с ноткой иронии в голосе сказал Михаил Степанович Свечников. Немец поглядел на русских офицеров несколько свысока: «Не думаю, что это так важно. Но если Вы настаиваете, пожалуйста! Гельмут Хундхоф».

Минута полной тишины вдруг разразилась саркастическим смехом. Даже печальная весть о гибели полковника Катаева не смогла его сдержать. Русские смеялись. Гельмут удивлённо произнёс: «Я что-то сказал смешное?». Комендант поднял руку и смех оборвался. Барон фон Будберг, подошёл к парламентёру и глядя ему в лицо сказал: «Между прочим весёлая у Вас фамилия. Знаете, как она звучит на русском? Собачий двор. Или собачник. Как Вам будет угодно».

– Барон! – остановил его замкоменданта. – Прекратите. Давайте выслушаем представителя германской армии.

– Я знаю, что сказанное сейчас подведёт меня, возможно, под расстрел. Но я передам то, что мне поручено.

Полковник Свечников, поглядев на парламентёра, усмехнувшись, произнёс: «Ну, что уж Вы так! Не за что пока. То, что Вы разговариваете с нами через губу это ещё не есть преступление. Скорее это говорит о Вашем высокомерии по отношению к нам. И ещё о воспитании. За это не расстреливают. Да и сути Ваших предложений мы ещё не имели чести слышать». Гельмут встал по стойке «смирно» и, чеканя каждое слово, произнёс: «Я уполномочен от командования предложить Вам пятьсот тысяч марок. Сумма огромна. Но это не взятка. Это стоимость снарядов, которые мы потратим на крепость. Но нам важнее сохранить их для будущих боёв. Тогда Вам, и вашим солдатам, гарантируется беспрепятственный выход с территории крепости Осовец и жизнь. В противном случае мы сметём Вас с земли». Ропот возмущения пробежал по штабному каземату. Полковник Пурцеладзе рванулся к немцу сжав кулаки. И если бы не барон Будберг...

– Оставьте его, Георгий Михайлович! – сказал он. – Пусть играет свою роль до конца. Свечников ухмыльнулся недобро и отошел, скрестив руки на груди.

– Вот ведь незадача, Гельмут! – спокойно сказал Бржозовский. – Я, как комендант...

– Прошу называть меня по званию! – подняв подбородок и как бы рассматривая стену напротив, перебил его парламентёр.

– ...Гельмут. – Будто не слыша его, продолжал Николай Александрович. – Вы ставите меня в неловкое положение. Зачитаю Вам одну телеграмму. Надеюсь, Вам будет интересно. «Его превосходительству генерал-майору Н. А. Бржозовскому, коменданту крепости Осовец. Мы, Главнокомандующий российской армии, понимаем, что в сложившейся ситуации удержание крепости Осовец не представляется возможным. Но убедительно просим Вас продержаться хотя бы 48 часов». И подпись государя императора. – И уже, с иронией в голосе, спросил Хундхофа. – Так как же мне поступить?

Парламентёр презрительно дёрнул плечом.

– Э, батенька! – Михаил Степанович Свечников развёл руками. И уже обращаясь к коменданту сказал: «Да он нас, Ваше превосходительство, и за людей не считает! Я знаю выход. Можно? Господин Хундхоф! Давайте разрешим ситуацию попростому: Вы остаётесь у нас. Если за 48 часов Осовец не будет взят, то мы Вас повесим. Если Ваши войска крепость возьмут, будьте любезны – повесьте нас. Условия равны. А ДЕНЕГ НЕ ВОЗЬМЁМ!». Гул одобрения был ответом парламентёру. И Гельмут, слегка побледнев, согласился.

– Конвой! – крикнул Свечников. И когда вошли два солдата, скомандовал: «Примкнуть штыки! Двое суток вы будете охранять этого парламентёра. Если за это время немцы не возьмут крепость, то повесьте его на воротах Центрального редута. Вам ясно?».

– Так точно!

– Выполнять!

Как только Гельмута увели, офицеры снова столпились у огромной штабной карты.

– Землянцы в Заречном форте? – спросил Свечникова комендант.

– Да, Николай Александрович. Пополняются. Правда, с Землянского уезда не все. Недостаток пополняется другими.

– Господь с Вами, Михаил Степанович! Новобранцы потом гордиться будут, что служили в этом полку! И, уже обращаясь к Будбергу: «Какие соображения по новым пушкам противника, барон?»

– Если они точно выгружаются у Подлесок, то корабельные пушки Канэ их там достанут. С Вашего разрешения я пойду на двор Леонова. Там у нас есть замаскированный НП на высотке. Оттуда всё хорошо видно. Дайте мне двух телефонистов. Огонь корректировать буду лично.

– Только не рискуйте понапрасну, Алексей Павлович. Вы мне ещё очень нужны.

– Слушаюсь, Ваше превосходительство! Я могу идти?

– Да, Алексей Павлович. Зайдите к телефонистам и заберите двоих. Моим распоряжением. Другим господам-офицерам задачи ясны?

– Так точно, Ваше превосходительство!

– Тогда не смею вас задерживать!

Когда все покинули штаб полковник Свечников достал папироску и закурил.

– Михаил Степанович! Я Вас умоляю! Ради всего святого, откройте двери и форточку. Табак у Вас, извините...

– Да вот, грешным делом, решил трофейных попробовать. Действительно, гадость несусветная. Жжёной тряпкой воняет. – и Свечников, загасив, положил папиросу в пепельницу. – Своих закурим.

Достав из кармана коробку «Цыганка Аза» закурил снова.

– Ну, совсем другое дело! – улыбнулся Бржозовский. – Одесские? Родным потянуло.

Свечников, закинув руки за голову и откинувшись на стуле, загадочно улыбнулся: «Ваше превосходительство! А ведь Вам придётся ещё выносить благодарность за нарушение дисциплины».

– Это ещё кому? Опять?

– Командиру 155 миллиметровой батареи. Штабс-капитану Мартынову.

– Так он же в госпитале!

– Сбежал, Николай Александрович! Как есть сбежал. На батарее он.

Бржозовский засмеялся и, хлопнув себя по коленкам, воскликнул: «Ну не стервец, а?». Он покачал головой, ухмыляясь, а потом серьёзно добавил: «Дорогой Михаил Степанович! Как бы там ни было, а сейчас каждый человек на вес золота. Мартынов уже достоин „Святого Георгия“. И он его получит. Живой или мёртвый. Лучше, конечно, живой. А сейчас давайте ещё раз посмотрим наши позиции». И жестом пригласил Свечникова к столу и карте.

– Позиция у нас великолепна. Правда, активных штыков кот наплакал. Надеюсь во время обстрела казематы укроют. И продержимся мы гораздо более сорока восьми часов. Но потери неизбежны. И надо ещё раз крепко подумать. Итак – того, что поставили у Гончаровской гати, хватит?

– Думаю, хватит. – Свечников внимательно ещё раз посмотрел на карту. – Учитывая её протяжённость и болота вокруг, можно смело сказать, что широким фронтом немцы там наступать не смогут. Да и река Бобёр не маловажное препятствие. Как и пять рядов спирали Бруно перед позициями... тем паче Мартыновская батарея... три с половиной батальона и шесть эскадронов донских казачков... должно хватить. Плюс ещё поддержка крепостной артиллерии.

– Усцянки?

– Там вообще непроходимо. Батальона ратников за глаза хватит. Опять же – Мартыновская броневая батарея. Это её сектор.

– Сосня, Бялогронды, двор Леонова?

– Здесь сложнее, Ваше превосходительство. Там будет лобовая атака по сухому месту. Туда бы, Николай Александрович, батальонов пять. Да где ж их взять-то? Без резерва тоже никак... А в Довнарах всего семь. Знаете, что? А давайте самые боеспособные части, четыре-пять батальонов, поставим там? Смотрите, что получается: в цитадели – пять с небольшим. Плюс орудия крепости, так? Рядом, собственно в деревне Осовец и Плохово – три с половиной. В Гониондзе, за Бобром – полтора батальона ратников, батальон пехоты и семь сотен казаков при двух орудиях. И все связаны между собой грунтовками и насыпью железной дороги. При неблагоприятном развитии событий они могут легко поддержать Сосню.

– У меня замечательный начальник штаба! Что бы я без него делал?

В дверь постучали, и на пороге появился телеграфист с телеграфной лентой в руках: «Разрешите, Ваше превосходительство? Вам телеграмма».

– Так что ж вы стоите, батенька? Давайте, давайте её сюда!

Бржозовский бегло посмотрел ленту и задумался.

– Что там, Николай Александрович?

– Телеграф от командующего нашей 12-й армии. Предлагает помощь.

– У них самих там не слаще. – Свечников, не отрываясь от карты, продолжил. – Каждый патрон считают.

Бржозовский повернулся к телеграфисту: «Запишите, мой друг, и отправьте». Телеграфист вынул блокнот и карандаш. «Командующему 12-й армии. Имея в виду, что на флангах крепости спокойно, что вверенный мне гарнизон и артиллерия вполне сохранили боеспособность, и что нами удерживается Сосненская позиция, прошу не приносить лишних жертв для ускоренного освобождения крепости от осаждающего неприятеля. Бржозовский».

Эти слова надо было высечь золотом на скрижалях истории.

Вернулись все?

День был ярким до боли в глазах. Огромный сад за домом весь в кипении какого-то бешеного цветения. Плодовые деревья стояли все в белом, как невесты перед алтарём. Виноградник ярко зеленел, как будто нарисованный щедрым художником, фанатом зелёной краски. И мама, ещё молодая и красивая, кричала вслед: «Гоги! Не беги сломя голову! Ты споткнёшься!». А он, маленький мальчик, смеясь бежал по садовой тропинке. Не бежал, летел! Парил!

– Ого-го! Гоп-ля! – кричал он облакам, синему-синему небу, горным вершинам, маленькой речке бегущей за садом... кто слушает маму в эти годы? Весь мир твой и для тебя! От радости он запрыгал на одной ножке и... споткнулся. Но боли не было. Было так хорошо, так... И мама подбежала, улыбаясь. Но протянув к нему руку, почему-то жёстко и по-мужски стала трясти его за плечо. И голос, такой нежный и мягкий, стал похож на хриловатый голос денщика Забродина: «Ваше высокоблагородие... Ваше высокоблагородие...». Сквозь сон, с трудом возвращаясь из сада детства в реальность, ещё не полностью проснувшись, он снова стал полковником Георгием Пурцеладзе, командиром Ширванского полка в крепости Осовец. И его солдаты пока тоже спят. Кто в казарме, кто в окопах. Кроме тех, в передовых пикетах. Этим спать нельзя. И вынырнув из тёплого сна, сбросив с себя бурку, которой укрывался, сел на койке.

– Да, Забродин! Что случилось?

– Ваше высокоблагородие! Вы приказали поднять, когда вернётся разведка.

– А... да-да... – и стряхнув с себя остатки сна, уже весь готовый к действию, достал часы. – Половина второго... Вернулись все?

– Нет, Ваше высокоблагородие. Не все.

– Как? Почему? Где они?

– На дворе Леонова.

– Коня!

Через пятнадцать минут, бросив поводья ближайшему солдату, он по ступенькам вбежал в здание. Князь Гугулидзе лежал на покрытом шинелью топчане и смотрел в потолок. Раздетый до пояса он был основательно перебинтован. Кровь кое-где уже обильно проступала сквозь бинты. Двое его «охотников» тоже сидели у стены. Один с забинтованным глазом и перевязанной рукой. Другой, тоже раздетый до пояса, с большой повязкой на плече. Пурцеладзе сел на табуретку поданную кем-то из нижних чинов: «Как же так, Антон Михайлович? Я же приказал, чтобы тихо, чтобы сова не почуяла...»

– Георгий Михайлович! Можно без чинов? Да и трудно мне.

Князь Гугулидзе закашлялся, вытер рукой кровь, выступившую на губах, и повернул голову к своему полковнику: «Сначала о деле. Две „Больших Берты“. Калибр 420 мм... двести метров от села Подлески. Другая, в полукилометре от них справа... В Белашевском лесу... Ориентир – левый берег лесного озера».

– Антон, дорогой! Как же так случилось! Как ты мог так влипнуть?

– Георгий Михайлович, мы всё сделали правильно. Там нас никто и не заметил. Солдаты подтвердят. Но возвращаясь, напоролась на германскую разведку. И пропустили бы их... Но они тащили к себе штабс-капитана Иванцова. Не мог я этого допустить... Не мог... мы с ним недавно под Белашево в одном окопе были. Вы поймёте меня... И дрались-то молча. Не нам, ни им шуметь нельзя. Да видать их пуле-

мётчик заметил... И своих, и наших... Иванцов, связанный, меня собой закрыл... да поздно, правда?

Гугулидзе как-то грустно посмотрел на командира и, отвернувшись к стене, затих

– Антон, Антон... – полковник Пурцеладзе снял папаху.

Но Гугулидзе уже не слышал этих слов. На шинели растекалось тёмно-красное пятно обильно хлынувшей крови. Скрипнув зубами Пурцеладзе встал и подошёл к тем, кто был с ним в поиске. Они уже стояли опираясь спиной о стену перед своим командиром полка.

– Чёрт вас всех возьми! – крикнул полковник. – Здесь что, нельзя найти пару табуреток? Быстро принести! Эти солдаты уже могут сидеть в присутствии Императора, разрази меня гром!

Табуретки принесли.

– Ваше высокоблагородие! – начал один.

Но Пурцеладзе нервно махнул рукой: «Фамилия?».

– Рядовой Сергеев!

– Твоя? – обратился он к другому.

– Рядовой Багилани.

– Молодцы! Я горжусь вами.

У крыльца раздался стук копыт и в дверях замер адъютант. Обернувшись к нему, Георгий Михайлович, растягивая слова, произнёс: «Всех, кто был в поиске, живых и мёртвых к Георгиевским крестам! И упаси Вас господь забыть хоть одного! Всё!».

Снова распахнулась дверь. В комнату вошёл начальник артиллерии крепости барон фон Будберг: «Разведка вернулась?». Пурцеладзе медленно повернувшись к нему вдруг зашептал. Зашептал громко, почти в голос: «Алексей Павлович! Алёша! В ноги упаду, но ты завтра должен разнести к чертям эти „Берты“! Не как начальника артиллерии прошу. Как друга... Как брата, наконец! Ты видишь? – он показал рукой на топчан. – Там лежит мой лучший разведчик. Мёртвый... Алексей, ты сделаешь это? Это моя самая большая просьба».

– Успокойся, Георгий! Князя не вернёшь. Если он успел сказать координаты, погиб не зря. И тем спас много, очень много жизней. Где стоят эти чёртовы пушки?

Пурцеладзе протянул руку адъютанту: «Карту!» Развернув её, показал фон Будбергу: «Вот, Алексей Павлович – двести метров в нашу сторону от Подлесок. Озеро перед лесом и болотом видишь? Здесь ещё одна на левом берегу. А это... Что тут Гугулидзе пометил? Ага, склад боезапаса! Летуны Журавченко тоже не ошиблись... Алёша, я тебя очень прошу, отомсти за Антона! Век помнить буду!». Алексей фон Будберг крикнул в коридор: «Дежурный!». Унтер-офицер артиллерист через минуту стоял по стойке «смирно» перед своим командиром.

– Время четыре утра. Пока не развиднелось окончательно, Соколова с ручным дальномером и телефониста – в «гнездо»! Карту тоже передашь ему. Я к огневицам в крепость. Что делать – Соколов знает. Ты понял меня?

– Так точно, Ваше высокоблагородие!

– Действуй! – и, уже обращаясь к Пурцеладзе, – А повозку для раненых и князя я, Георгий, отправлю за тобой следом. Вы наверняка лучше меня знаете, где похоронить Антона.

Пурцеладзе крепко обнял артиллериста и с адъютантом ускакал к себе в полк.

Последний штурм

25 ФЕВРАЛЯ 1915 года небеса обрушились на Осовец. Всё, что могло хоть чем-то быть похожим на пушки в осаждающем корпусе, бросило на крепость лавину огненной стали. Начался крошечный ад. Разрывы немецких снарядов заслонили божий свет. Но унтер-офицера Соколова ждала другая задача. Он должен был до метра уточнить, где находилась его главная цель. И в дальномер он внимательно смотрел туда, где, судя по данным разведки ставшей для князя Гугулидзе последней, эта цель должна была себя проявить. И вот, наконец, там показались две вспышки, яркие даже наступившим утром. Даже в грохоте общей канонады залпы орудий «Большая Берта» звучали отдельными громкими нотами, перекрывавших всю эту смертельную какофонию.

– Есть! Засёк! Давай крепость! – крикнул он телефонисту. – Передавай...

Но, сколько телефонист не крутил ручку ничего не получалось.

– Провод, господин унтер-офицер! Я мигом!

Скатившись из «гнезда», взяв провод в ладонь, телефонист побежал по линии. «Только бы нашёл! Только бы успел!» – думал Соколов. Он посмотрел в сторону крепости. Видел, какой ужасающей силы были разрывы этих, почти в тонну весом, снарядов. В небо взлетали целые деревья, огромные массы земли, невероятнейшие столбы воды, если эти монстры попадали во рвы и каналы...

– Бог мой! Да что ж он там так долго! – психовал Соколов. – «Берты» уже, посчитай, штук десять швырнули!

Он просто не знал, что телефонист нашёл порыв. Но осколком снаряда ему разворотило грудь. И никогда он не сделает того, что был обязан сделать. Не знал русский унтер-офицер, но понял, что от него так много сейчас зависит. И сам побежал по проводу... А со стороны крепости, падая от близких разрывов и пригибаясь, тоже бежали двое – барон Алексей Будберг и второй телефонист. Будберг, оценив обстановку, приказал телефонисту: «Включайся!». Подключив второй аппарат и вызвав крепость протянул трубку Соколову. Координаты были переданы на батарею. Только разорвавшийся совсем рядом снаряд разметал их в разные стороны. Солдат телефонной роты очнулся первым. В ушах стоял звон на какой-то невероятно высокой ноте. Он сел, зажал голову руками и раскачиваясь оглянулся. Унтеру Соколову помощь уже была не нужна. А Будберг живой в беспмятстве метался по земле. И хрипел одно: «Бомба... бомба... бомба...». Повинуясь долгу солдата, телефонист взвалил офицера на плечи и шатаясь потащил его в крепость. Уже не обращая внимания на канонаду. Только лишь потому, что не слышал её вовсе...

Пушки привезённые из Кронштадта пока молчали разворачивая свои стволы согласно данным координатам. Старший бомбардир-наводчик Фёдор Потапов потопрапливал своих: «Яша, Гриша! Ещё чуток доверните. Да не телитесь вы, как беременные невесты! Так... так... Уф! Стоп! Огонь!». Яков Потиевич и Григорий Ходковский сделали своё дело. Недаром на императорском смотре ими были получены отличные оценки. Залп! И снаряды, пусть и в половину меньше калибром немецких, ушли к цели...

– Робя! Попали! – крикнул телефонист приданный батарее. – Наблюдатели с передовой сообщили!

– Тогда ещё, братишки! – подмигнул Потапов своим.

И снова два «корабельных чемодана» ушли в сторону немцев. После этого залпа наблюдатели с передовой удивлённо спросили: «Мужики! Куда попали-то?». Артиллеристы не знали. Наблюдатели сообщали, что в районе цели так жажнуло и появилось такое огромное облако взрыва, что они даже понять ничего не могли. Как потом стало известно одну «Берту» совсем вывели из строя, а вторую завалили на бок. И ремонту она подлежала только в заводских условиях. А большой взрыв – попадание в склад, где хранились снаряды к ним. Офицеры этих суператсистем и некоторые чины немецкой артрразведки были разжалованы и брошены в первую линию окопов. Но то, что ни одна «Большая Берта» больше не стреляла по крепости – неоспоримый факт. Факт, который позволит осаждённому продержаться до августа. Чёрного августа 1915 года. А пока, с 26-го февраля по 3-е марта, в слепой ярости от потери этих «монстров» вся немецкая артиллерия превратила территорию Осовца в «жерло извергающегося вулкана, в котором не может выжить ничто живое. Ничто, что может дышать и двигаться». Так напишут потом журналисты европейских газет приглашённые посмотреть на падение «игрушечной крепости». Этому наши герои-артиллеристы пока не знали. Но знали одно – ночью немцы спят. И придётся им, вместе со всем гарнизоном и сапёрами, восстанавливать то, что было разрушено за день. Всё, что успеют. Благо в подвозе перебоев нет. Тыл не отрезан. А днём... днём снова начнётся ад, бомбёжки с «Цеппелина» и «Альбатросов». Только все они, кто ночью восстанавливал разрушенное, глядя на ходившие ходуном стены будут мрачно шутить: «Да пуцай постреляет! Хоша выспимся». Не знали они и того, что 27-го февраля сосредоточенным огнём противника будет уничтожен весь гарнизон Заречного форта. Что они не смогут спасти единственного оставшегося в живых пулемётчика, который выпуская ленту за лентой будет два часа держать носом в землю целый вражий батальон. Пока его не забросают гранатами. Но форт противнику взять не придётся. Потому, что через несколько минут после гибели героя, чьё имя так и останется неизвестным, артиллерия крепости перемесит немцев с обломками оставшимися от форта. Но фамилия штабс-капитана Мартынова останется в памяти осовчан. Он мог переждать этот ад в госпитале. На законных основаниях. Сбежал! Сбежал туда, где его 155мм орудие в броневом вращающемся колпаке держало под обстрелом и Гончаровскую гать и позицию в Сосня. Сбежал из госпиталя, чтобы корректировать огонь своего орудия с открытой вышки. Две тысячи воронок насчитали потом вокруг. А когда немецкий снаряд попал в сквозняк порохового погреба, то рискуя жизнью вынес его оттуда. Он погибнет на своем посту. Но противник не пройдёт там, где стояли артиллеристы Мартынова. Пехота крепости тоже удержала свои позиции. И в этом огромная заслуга всех артиллеристов крепости. Их ювелирная работа спасла много жизней.

Так был сорван третий штурм. В середине марта огонь осаждающих заметно ослаб. Ночами в крепость по железной дороге приходили поезда с пополнением, материалами и Осовец стал готовиться к отражению следующего штурма. Но кто же знал, что он будет таким? А пока до августа началось позиционное противостояние. Но давайте вернёмся немного назад. В 28-е февраля. Есть должок, который надо оплатить.

Ночью когда прекратился обстрел в один из казематов Центрального редута спустился комендант крепости Осовец Николай Александрович Бржозовский. Два солдата охранявшие там Гельмута Хундхофа встали и «ели глазами начальство».

Бржозовский как-то обречённо махнул рукой: «Вольно!». И присел рядом с Гельмутом.

– Вот Ваша расписка, Гельмут. Я долго сомневался в правильности своего приказа. Но за эти семьдесят два часа... заметьте, не сорок восемь... многое изменилось, многое... И всё-таки я решил, что мой заместитель, полковник Свечников был прав. Вы, Гельмут, офицер. Крепость продержалась больше сорока восьми часов. Примите, Хундхоф то, что выбрали сами.

Гельмут вдруг упал на колени: «Отпустите, Ваше превосходительство! Бога за Вас буду молить! Всем богам, и православным, и католическим молиться буду! Не вешайте!».

– Что?! Да Вы, мой друг, оказывается, прекрасно понимаете по-русски? Ну, знаете ли! Так, как Вы вели себя тогда в штабе, унижая честь и достоинство офицеров нашей армии... вели себя не как парламентёр, а как барин со слугами... Встать!

Но Гельмут продолжал держать Бржозовского за сапоги: «Ваше превосходительство... Ваше превосходительство...».

– Ради Бога! – крикнул комендант конвойным. – Уберите от меня эту мразь! До последней минуты сомневался отпустить или нет...

И когда солдаты оторвали от него парламентёра крикнул поднимаясь по ступенькам: «Выполнять!».

Котлинский

22 ИЮЛЯ часовой у шлагбаума Осовецкой крепости остановил грузовик припыливший по грунтовой дороге со стороны Белостока: «Стоп, машина! Задний ход!». И улыбнулся видя лицо знакомого водителя.

– Под «Альбатрос» не попал?

– Та ни! Трохи повилял и усе. Бог миловал! Це ж нимци вид наших до кустив сигають.

– Что привёз?

– Кули, снаряды для гармат... так, по мелочам. Зараз ще грузовики йдуть. По железке буде состав грузовой. Рельсы, цемент, арматура всяка...

– А в кабине кто?

– Ахвицер новий. Тильки прихав.

Пассажир вышел из автомобиля и подойдя к часовому подал документы. Тот бегло осмотрел бумаги: «Извините, Ваше благородие! Но порядок...».

– Понимаю, братец! Война. – и уже обращаясь к водителю. – А ты поезжай, дружок! Я по крепости прогуляюсь.

Автомобиль, газанув, упылил дальше в крепость, а вновь прибывший козырнув часовому вошёл в Осовец пешком. Было видно, что в крепости шла работа. Восстанавливались разрушенные укрепления, казематы, пулемётные козырьки... Поднявшись на одну из открытых оружейных позиций попросил у наблюдателя бинокль. И насколько в него было видно отметил про себя, что передовая тоже укрепляется основательно. Немцы тоже копошились в своих окопах. Новые блиндажи, ходы сообщений, новые ряды колючей проволоки... И там, и здесь не сидели сложа руки. Что германцев атакуй, что наших – кровушки должно пролиться много. «Война!» – снова подумал офицер. Только гарнизону крепости могли помочь превратившиеся в непроходимые препятствие болота. А ещё каналы, рвы и река Бобры заполненные водой до краёв. Форсировать их под огнём орудий Осовца представлялось не только затруднительным, а просто невозможным. Вернув бинокль наблюдателю спросил: «А скажи, солдат, как найти коменданта?».

– Ваше благородие! Видите – ступеньки справа? Спускаетесь по ним, потом по тропке мимо разбитого бетонного наблюдательного пункта и попадёте во двор цитадели. А там любой покажет.

– Спасибо, любезный! – ответил тот. И стал спускаться вниз.

Полковник Свечников разговаривал по телефону, когда в штабном каземате открылась дверь. Мельком взглянув на вошедшего офицера махнул рукой: «Присаживайтесь!». Подпоручик подождал и когда Михаил Степанович положил трубку снова встал: «Ваше высокоблагородие! Подпоручик Котлинский прибыл для прохождения дальнейшей службы!».

– Бумаги, будьте добры!

Внимательно их рассмотрев, Свечников снова снял трубку: «Коменданта! Николай Александрович, Вы свободны? К нам прибыл новый офицер. Да-да... у меня. – и окинув взглядом подпоручика – Очень brave молодой человек... ну, да... есть подождать!».

– Владимир Карпович? Да, Вы присядьте, ей-богу! А то потом и прилечь будет некогда. Мне приказали Вас с дороги напоить чаем. Или кофе?

– Боюсь показаться наглым, но лучше кофе.

– Вот и ладненько! Дежурный! Три кофе. Комендант рядом. Скоро будет.

Не успел дежурный поставить поднос с тремя чашечками и сахаром, как снова открылась дверь и вошёл Бржозовский. Вновь прибывший снова встал и представился: «Ваше превосходительство! Подпоручик Котлинский». Николай Александрович взяв бумаги прибывшего и пробежав по ним глазами, покачал головой и как бы с осуждением сказал: «Ну что ж Вы, батенька мой! Прямо в самый ад».

– Ваше превосходительство! Я вольноопределяющийся. И сам выбрал, где мне служить. Вся Россия только и говорит про Осовец. И считаю своим долгом служить России и Государю именно здесь!

– Похвально, похвально! Ну-с, тогда будем служить вместе. Да Вы присядьте! Как у нас говорят? Сядем рядком, поговорим ладком. А то кофе остынет. Где желаете служить? Вы доброволец. И выбирать Вам.

– Ваше превосходительство! Я готов служить там, где всего нужнее.

Михаил Степанович, до этого внимательно слушавший их разговор, встал и пожал руку подпоручику: «Вот ответ настоящего русского офицера! У нас, Владимир Карпович, большая нехватка в сапёрных частях. А вы, батенька, выпустились сапёром, не так ли? Сейчас в основном воюют они. После прошлого ужасного штурма Вы наверное видели: идут большие работы. Как у нас, так и у противника. Они опять что-то задумали. Но и мы готовимся. И получается – мы мешаем им, а они нам. Только где-то появляется скопление подвод или грузовиков – противник немедленно открывает огонь. Наши артиллеристы тоже не остаются в долгу. Поэтому, Владимир Карпович, мы работаем в основном по ночам. Если у Вас есть желание, то не могли бы Вы взять под начало сапёрную роту Землянского полка? Там позавчера убило командира».

– Как будет угодно, Ваше превосходительство.

– Вот и прекрасно! – сказал комендант подпоручику допив кофе. – Сейчас идите в канцелярию. Оформляйтесь. Я позвоню туда. Да! И ещё одно, Владимир Карпович! Здесь, в штабе, в отсутствии нижних чинов мы называем друг друга по имени-отчеству. Как-то так сложилось само-собой. Традиция, так сказать. Не будем её нарушать?

– Так точно, Николай Александрович!

– Тогда будем считать знакомство состоялось. Вам в канцелярию, а мы с Михаилом Степановичем пройдемся по крепости. Посмотрим, что день грядущий нам готовит.

В ночь на шестое августа

Гинденбург вернулся из ставки не в духе. Кайзер, разбирая итоги кампании начала 1915 года, спросил его между делом: «Может Вы устали, Пауль? Может Вам стоит взять длительный отпуск?». Кто-кто, а Гинденбург явно почувствовал скрытую издёвку в устах главы Германии. И сейчас, сидя в штабе и просматривая последние сводки боевых действий, не мог скрыть раздражения: «Проклятая пробка! – думал он о крепости. – Проклятые русские! Ведь всё равно рано или поздно они оставят крепость. По всей логике войны они должны были давно её сдать! Полгода мы здесь торчим... Полгода! Потери выше всех расчётов. Утешает только одно: выход наших войск на линию Гродно – Брест-Литовск. Если в таком темпе будет продолжаться наступление, то Осовец можно и не брать. Сами уйдут... Но тогда Вильгельм замучит меня своими „шпильками“ в узком кругу. Нет, взять Осовец уже становится делом чести!». Он поднял трубку телефона: «Начальника штаба! Срочно! На позициях? Так найдите, чёрт вас возьми!». И трубка с громким стуком упала на рычаги. Эрих Людендорф, войдя в штабную комнату, радостно воскликнул: «Пауль! Ты уже вернулся? Что нового в Берлине?». Еле скрывая своё настроение Гинденбург тихо, но твёрдо сказал: «Я Главнокомандующий германской армии. И прошу Вас обращаться ко мне соответственно!». Тогда и Людендорф, вытянувшись, таким же тоном произнёс: «Я начальник штаба той же армии. В том же чине, экселенц. И попрошу ко мне тоже обращаться по уставу!». Повисла неловкая пауза. Пикировка старых вояк и добрых друзей грозила перерасти в жёсткую ссору. А это было лишним. И не привело бы ни к чему хорошему. Пауль Гинденбург отошёл к окну, вздохнул и, уже успокоившись, первым пошёл на мировую.

– Прости, Эрих! Мне не следует так с тобой разговаривать!

– Меня тоже занесло, Пауль. Я понимаю и догадываюсь, как с тобой говорил Вильгельм. Эта, с позволения сказать, крепость полгода мотает всем нервы. Но теперь я знаю, что делать. Больше не будем гробить своих солдат. Пока ты был в Берлине я пришёл к выводу, что пора применить наш последний и самый беспробитный козырь. Окопными работами мы приблизились к русским на 200—250 метров. Установили тридцать батарей с газом. На общем фронте в три километра. Сегодня у нас 26 июля, так? Если завтра или послезавтра ветер будет устойчиво дуть в их сторону мы пустим газ. Химики рассчитали, что самое эффективное поражающее действие – хлор с бромом. И нам останется только войти в крепость после газовой атаки.

– Я знал, Эрих, что у тебя светлая голова! – Гинденбург откинулся в кресле. – Только вслед за газовым облаком надо пустить сплошную стену артиллерийского огня. Чтобы исключить возможность малейшей ошибки. А пока не применять никаких действий. Пусть пополняют гарнизон. Пусть восстанавливают разрушенные укрепления. Чем больше мы их уничтожим, тем весомее будет наша победа! Можешь отдавать нужные распоряжения.

– Пауль, Пауль! Сам говоришь, что у меня светлая голова. Они уже отданы. О, прости! Адъютант!

И когда в дверях выросла его молчаливая фигура, бросил: «Коньяк, два бокала и всё, что к этому причитается!». Так закончился этот день, чуть не ставший причиной ссоры двух старых боевых полководцев германо-австрийской армии. После целых десять дней командование и солдаты ландвера ждали попутного ветра в сторону крепости Осовец. Нужен был действительно стабильный ветер. Иначе бы

досталось самим. И этот день апокалипсиса пришёл. Чёрный день 6-го августа 1915 года. День, который принесёт славу русскому солдату. День, который потом в Германии будут вспоминать со стыдом.

В ночь на 6-е августа ни Людендорф, ни Гинденбург не спали. Не говоря уже о массе людей находящихся в их подчинении. Примерно в одиннадцать ночи 5-го августа метеослужба артиллеристов доложила, что ветер сменился в сторону крепости. Газовики в который раз за эти дни заняли свои окопы. Переменчивая погода измотала всех. Ветер дул куда угодно только не туда куда надо. И газовую атаку пришлось отменять не раз. Но в эту ночь и последующее утро метеослужба обещала правильное направление.

– Как думаешь, Эрих, не изменится обстановка?

– Подождём... подождём, Пауль! Нам нужен стопроцентный успех. За неудачу мы можем поплатиться не только погонами...

– Естественно! – Гинденбург посмотрел на часы. – 0.27... господи, как медленно тянется время!

Взял телефон: «Метео! Быстро!». И когда коммутатор соединил задал только один вопрос: «Ветер?».

– Господин генерал-фельдмаршал! Ветер стих.

Гинденбург так бросил трубку на рычаги, что телефон слетел со стола.

– Это чёрт знает, что! Это невыносимо! – и рухнул в кресло. Потом встал, нервно одёрнул мундир и зашагал из угла в угол штабной комнаты. Людендорф благого разумно промолчал. Он взял телефон, водрузил его на стол и снова стал насвистывать любимую увертюру из «Волшебного стрелка». Он тоже ждал. Тоже нервничал. Но смог сдерживать свои эмоции. А время шло... Гинденбург снова взял трубку и уже спокойно, ни на что не надеясь: «Метеослужбу... Гинденбург... штиль? Докладывать каждые двадцать минут!». Казалось, что и на этот раз ожидания будут напрасны. Но в 3.21 утра, уже 6-го августа, эту чёрную дату, которую, как бы кто ни старался, уже не вычеркнуть из истории, в штабе германского осадного корпуса раздался звонок.

Людендорф первый поднял трубку: «Да... Это точно? Благодарю Вас. Доложу!». И с улыбкой обернувшись к главнокомандующему начал официальным тоном: «Экселенц! Ветер принял стабильное направление в нужную сторону. Докладывал начальник метеослужбы артиллерии Шальке». Гинденбург резко встал и снова взял телефон: «Начальника артиллерии! Мандель? Получасовая готовность! Как только газ двинется в сторону русских Ваш огненный вал будет следовать строго за ним. Понятно? Переключите на начальника службы тыла ...Шоль? Все автомобили, все подводы должны быть готовы в 4.30 утра. Выполнять!». И дружески обняв Людендорфа за плечи сказал: «А с пехотой разберёшься сам. Должен же ты хоть палец о палец ударить в этот исторический день!». Эрих понял шутку старого друга. Он, картинно вытянувшись, рявкнул сержантским голосом: «Яволь, герр генерал-фельдмаршал!»

В 3.55 утра начальник штаба осадного корпуса был в передовых окопах своих солдат. Один из великих кабинетных стратегов Германии, большой военный теоретик, привыкший разыгрывать любую военную кампанию как шахматную партию сейчас сам решил сделать дебютный ход е-2; е-4. Он прекрасно сознавал, что его ждёт если сменится ветер. Но метеослужба клятвенно заверила его – неожиданностей не будет. Здесь, в окопах, разведчики доложили: «Передовой охранной батальон русских в 3 часа ночи ушёл в восстановленный Заречный форт на отдых». Единственное, чего он не знал, так это то, что на передовой позиции в Сосня осталось

пять рот Землянского полка и четыре роты ополченцев. Но это было уже не важно. Его с Гинденбургом сюрприз для русских будет неожиданным. И количество людей в окопах противника будет только на руку.

Рассвет был пасмурным. Без дождя. Он был бы лишним. Видимость – пятьсот метров. Русские были ближе. Часы уже показывали без двух минут четыре. Сняв трубку полевого телефона он начал отдавать приказы, согласно разработанному им же, и утверждённому Гинденбургом, плана.

– Командира химического батальона. Гильденбрандт? Начинайте!

И тогда то тут, то там в передовых пикетах появились слабые тёмно-зелёные клубы убийственной смеси. По мере насыщения они поднимались выше и растекались вширь. И как бы нехотя повинаясь ветру, поднявшись на высоту 15—20 метров и образовав восьмикилометровый фронт эта стена смерти двинулась на русские позиции. Как только она перевалила линию обороны, по ним ударила артиллерия. И дальше разрывы снарядов пошли второй убийственной волной. Уже было достаточно светло, чтобы видеть, как падали отравленные птицы попавшие в хлорно-бромное облако. Уже было достаточно светло чтобы видеть, как падают с деревьев почерневшие, свернувшиеся листья на чёрную траву. Уже было достаточно светло чтобы видеть, как русские солдаты, корчась выскакивали из окопов и кто на месте, кто пробежав несколько метров падали на этот ковёр смерти. Какой-то пулемётчик дал в бессилии две очереди и пулемёт захлебнулся. А две стены, хлора и огня, несокрушимо двигались дальше уничтожая всё живое.

– Рюдигер! – обратился к фон дер Гольцу Людендорф. – Дайте Вашу ракетницу. Должен же я хоть палец о палец ударить в этот исторический день! – повторил он буква в букву фразу сказанную Гинденбургом. И выпустил сигнальную ракету, тут же продублированную по всей передовой линии немецких окопов. Сорок батальонов германских солдат пошли на зачистку.

Атака мертвецов

– Ваше высокоблагородие! Ваше высокоблагородие!

Свечников открыл глаза и по лицу дежурного по штабу сразу понял, что произошло ужасное. Тихо спросил: «Они пустили газ?». И бросился на смотровую площадку центрального редута. Рядом в накинутаой на плечи шинели, видимо тоже разбуженный своим денщиком, появился Бржозовский. Комендант посмотрел на тёмно-зелёную стену тумана медленно ползущую на Осовец и зло стукнул кулаком по парапету смотровой площадки.

– Николай Александрович! Этого мы с Вами боялись больше всего.

– Да, Михаил Степанович, да... Сколько раз просил прислать противогазы! Дай Бог останусь живым, найду ту интендантскую голову и отрежу! А там, что Бог даст!

В бинокль было видно, как солдаты первой линии поднимались из окопов и медленно брели в крепость. Но падали пройдя несколько метров. А тех, кто ещё кое-как шёл, добивала артиллерия.

– Пойдёмте в штаб, Михаил Степанович.

– Да, да! Конечно.

В штабном каземате, как только они вошли, Бржозовский громко крикнул: «Дежурный!». И голосом не терпящим промедления дал команду: «Всех, кто не на боевых постах – писарей, коноводов, телеграфистов – сюда. Бегом!». Через несколько минут штаб был набит людьми.

– Солдаты! Братцы! От вашей быстроты сейчас зависит многое. Немец пустил газ. Противогазы так и не пришли. Обмотайте лица мокрыми тряпками, портянками, нательными рубахами... да чем угодно! И по крепости! В каждый каземат, в каждый капонир... Везде. Где успеете. Может это спасёт чьи-то жизни. Моим приказом: всем сделать то, что сейчас сделаете вы. А кто не в бою пусть наглухо закроют окна, двери, броневые ставни и обильно поливают водой. Это единственное, что даёт шанс на спасение. Вперёд!

И когда солдаты разбежались выполнять его приказ, Николай Александрович повернулся к своему заместителю: «А мы, Михаил Степанович, пока газ ещё далеко пойдём, посмотрим, что творится».

Как потом стало известно, всё то, что произошло 6-го августа 1915 года, не сможет описать ни один литератор обладающий самой изуверской фантазией. Девятая, десятая и одиннадцатая роты Землянского полка погибли полностью. От двенадцатой роты осталось сорок полуживых человек и пулемётчик. От трёх рот в Бялогрондах только шестьдесят штыков. И два пулемёта. Но эти полумертвецы отбили атаку трёх рот ландвера! А 76-й полк наступавших попал под собственные газы и понеся большие потери был отбит остатками двенадцатой роты землянцев. Он не смог взять позиции, которую обороняли сорок отравленных русских солдат. На правом фланге, это было видно со стен редута, 5-й ландверный полк не преодолел многорядную полосу колючей проволоки. И был рассеян огнём артиллерии Осовца. 41-й эрзацбатальон, спешивший им на помощь и атакованный разведкой 225 полка, панически бежал с поля боя. Но самое невероятное, самое героическое и самое трагическое, что войдёт в историю воинской славы Российской империи и что потом по заказу свыше постараются вычеркнуть из памяти народа советские историки произойдёт в полосе наступления 18-го ландверного полка армии противника.

Зелёный вал газовой атаки был ещё далеко от крепости, но было видно, как за ним немецкие сапёры ловко прорезали с десятков проходов в колючей проволоке.

И в неё, как вода сквозь дырявую плотину, хлынули солдаты врага. Они задержались добывая ещё живых защитников первой и второй линии обороны. Потом захватив двор Леонова стали продвигаться вдоль насыпи железной дороги дойдя до её перекрёстка с грунтовкой на Бялогронды. И ключом к победе стал мост на Рудском канале. Мелочь? Да. Но... ох, уж эти мелочи! На целый час атакующих задержали остатки роты ополченцев. Шестьдесят незапланированных минут! Всего-то! Наполеон Бонапарт был прав когда сказал под Ватерлоо: «Битву можно проиграть за четверть часа!». На смотровой площадке центрального редута видя всё это комендант крепости и его начальник штаба прекрасно понимали, что цена Рудского моста стала неимоверно высокой.

– Михаил Степанович! Всё, что есть! Всё, что осталось – в лоб атакующим!

– Только две роты Землянского полка на Заречной позиции, Николай! – переходя на «ты» ответил Свечников.

– Всё, что осталось, Миша! Я к артиллеристам. А потом – в штаб. И будь что будет! Остальное изменить мы не в силах.

Они пожали друг другу руки, поглядели приближающуюся ярко-зелёную волну хлора и разошлись. Последний раз Бржозовский увидел, как артиллеристы накрыли беглым огнём наступавших на Сосненские позиции, резерв противника на дворе Леонова, разметав его и сказал им на прощание: «Больше приказывать вам я не имею права. Вы сделали всё, что могли. Дальше – решайте сами!».

– Ваше высокоблагородие! Вы бы шли в каземат. – сказал старший фейерверкер Ходоковский. – Даст Бог, отобьёмся! А как потом без головы-то? Нельзя! А мы здесь ещё побудем. Обмотаемся, чем-нито... Может, ещё и поможем нашим. Идите, Ваше высокоблагородие!

И артиллеристы стали подтаскивать снаряды ближе к орудиям. Задержавшись ещё на пару минут Николай Александрович увидел, как с Заречной позиции 8-я и 13-я роты Землянского полка невидимые противнику из-за фронта газовой атаки развернулись навстречу атакующим. И горестно вздохнув стал спускаться в штабной каземат, чтобы собрать тех, с кем придётся принимать последний бой...

Мало чем помогли обороняющимся самодельные противогазы из мокрых портянок и натель-

ных рубрах. В ядовитом тумане хлора люди гибли десятками. Если не сотнями. Кто кричал. Кто умирал молча. Кто был покрепче здоровьем, выплёвывая из себя сгустки окровавленных лёгких, старались быстрее пройти этот зелёный туман. Там, где кожа солдат была не закрыта, страшный химический ожог покрывал её язвами и волдырями.

– Ваше благородие! Больше командиров нет, погибли. И мы все погибнем! – прохрипел рядом с Котлинским сапёр. – Остались Вы, Стрежеминский и Радке.

– Дважды не умирают! Пока живы, вперёд. Русские не сдаются!

И вытерев рукавом гимнастёрки кровавую пену на губах первым вышел на божий свет. Разрывная немецкая пуля разворотив ему бок бросила подпоручика на землю. Больше Владимир Карпович Котлинский, уроженец города Пскова, двадцати одного года от роду, прослуживший в русской императорской армии чуть больше двух недель, не поднимется никогда. Вечная ему память. И тем, кто шёл с ним в последнюю атаку.

Фельдфебель Таненберг, бежавший первым и мечтавший первым же войти в Осовец видел, как бросило на землю русского офицера. Но то, что было потом не могло уложиться в его голове. Как и у тех, кто бежал за ним. Из зелёной стены

убийственного хлора, что-то хрипя, обмотанные кровавыми тряпками, со сползающей с лиц кожей и слезящимися глазами, шли в атаку... русские мертвецы! Шатаясь, спотыкаясь, падая, они поднимались снова и взяв в руки винтовку упорно двигались к нему. Тот, в кого он выстрелил только качнулся. Но не упал. Продолжал идти сверкая на солнце штыком. И в этой мерной поступи было что-то неотвратимое. Такое, от чего пощады не будет. Что пуля для мертвеца? Как вкопанный стоял Таненберг не веря своим глазам. Но когда под каской зашевелились волосы спасительная мысль – «бежать!» – развернула его. С диким криком – «Мёртвые атакуют!» – Таненберг бросился обратно. Споткнувшись о чей-то труп он упал и оглянулся. Подняться не дал ужас. А мертвец приблизившись воткнул штык ему в горло. И шатаясь пошёл дальше... Потрясённые увиденным остановились другие. Они видели, что атакующих почти сотня. Они видели, что это мертвецы. Но... мёртвые русские солдаты шли в штыковую! Панический страх бросил солдат 18-го ландверного полка обратно к своим окопам! Другие видя, как по насыпи железной дороги в панике бежит один из лучших полков ландвера вначале остановились в недоумении. И тут из разбитых окопов, где казалось бы уже нет ничего живого, в атаку на захваченную Сосненскую позицию поднялись ещё четыре десятка мертвецов! Остатки 12-й и 14-й рот того же Землянского полка. Это уже никак не укладывалось в понимании нормального человека. Но цепная реакция страха сделала своё дело. Сорок русских солдат стоявших на пороге рая одним своим видом вышвырнули немцев из захваченных окопов Сосни. Побросав всё более-менее ценное, что можно взять с убитых хваленые немецкие пехотинцы бросились вслед за удиравшим 18-м полком. Эта масса живых германских солдат, без малого три полнокровных полка, давила друг друга у проходов ими же проделанных в рядах колючей проволоки 1-й и 2-й линии. Живое море германских солдат было одержимо одной мыслью: «Жить! Бежать и жить!». Но когда зелёная волна хлора перевалила уже за крепость, заговорила её артиллерия. Та, что ещё могла дышать и стрелять. Несколько чертовски точных залпов начали расшвыривать это море. Море ошалевших от случившегося и увиденного тел. Последние мазки этой жуткой картины боя были не менее ужасны, чем первые.

Исход

Тишина уже начинала звенеть в ушах. Никто не стрелял. Ни русские, ни немцы. Никто не заделывал проходы в рядах колючей проволоки. Некому было бы остановить врага поднимись он снова в атаку. Почти вся противоштурмовая артиллерия крепости была разбита. Все лучшие её артиллеристы были мертвы. Резерв не участвовавший в бою тоже был отравлен хлором. В крепости оставалось три с половиной роты собранные из разных полков. Но шок от последнего боя, потери от огня крепостной артиллерии сделали своё дело – противник не атаковал. 18-го августа генерал-майор Бржозовский и полковник Свечников стояли на развалинах одного из редутов.

– Жаль, Николай Александрович! Очень жаль! – сказал вздохнув Свечников.

– Согласен, Михаил Степанович. Сколько людей, – и каких! – оставляем здесь навечно. Сколько крови пролито... Но ведь не напрасно! Крепость-то мы не сдали! А знаете, что, милейший, не угостите ли Вы меня папироской? У Вас ещё остались те, одесские? «Цыганка Аза»?

– Да вы ж не курите, Ваше превосходительство!

– Неужели Вам для меня жалко?

– Да господь с Вами, дорогой Николай Александрович! Курите, ради Бога!

– Хоть попробую. Я потому попросил, что душа моя плачет... Вон там, во дворе Леонова был контужен наш барон... Где сейчас Алексей Павлович? В каком госпитале? А недалеко, вон там, поднял в атаку своих сапёров Володя Котлинский...

– Славные были офицеры! Молодые. Без страха и упрёка. Когда Владимир упал, подпоручики Стрежеминский и Радке продолжили атаку.

– А прапорщики Гаглоков и Тидебель? Всего сорок штыков, остатки 8-й и 14-й рот. Тоже, кстати, Землянцы... Все герои, все... так и погибли со своими солдатами. Землянский полк должен быть навечно вписан в историю русской доблести.

Они смотрели с развалин редута на предполье, на оставшимися целыми укрепления, на чёрную траву и листья, убитые хлором...

– Люди прибыли, Михаил Степанович? Сами с эвакуацией не справимся.

– Так точно, Николай Александрович. Видимо это последний эшелон. Дорогу и шоссе бомбят «Альбатросы». Но сегодня их не будет. Пасмурно. Завтра орудия придётся тащить по ночам, на людях... А знаете, что мне сказал на это командир ополченцев?

– Интересно. Что же?

– Он, Николай Александрович, сказал: «Дотянем, Ваше высокоблагородие! Вы тут, почитай, полгода целую армию держали. Как не дотянуть? Дотянем!».

– А мы так и не узнали имя того пулемётчика, что спас Заречный форт при третьем штурме, Михаил Степанович!

– К сожалению, нет. И не мудрено. Наши артиллеристы там всё «перепахали».

– Знаете, что самое обидное? – Бржозовский нервно дёрнул плечом. – Немцы потом в своих донесениях наверх будут докладывать: «Осовец пал». А мы бы могли ещё стоять.

– Могли бы, могли... Но ведь Вы же лично получили телеграмму Его Императорского Величества: «Во избежание ненужных потерь, в связи с тем, что войска противника вышли на линию Гродно – Брест-Литовск, и появилась возможность

отрезать крепость Осовец от основных сил армии, приказываю эвакуировать личный состав и имущество крепости, как утратившую своё стратегическое значение».

Бржозовский вдруг закашлялся, с надрывом, до слёз.

– Что с Вами, Николай Александрович? – встревожено спросил Свечников.

– Да не умею я курить! – и отбросил папиросу.

– О, Господи! А я уже перепугался. Думал, тоже газами причастились.

– Бог миловал, Михаил Степанович. Слышите, два последних орудия прекратили стрелять? Сапёры видно попросили артиллеристов уйти. Их тоже взорвём... Осталось дожидаться командира сапёрной роты, и с Богом!

Снизу по развалинам редута уже поднимался штабс-капитан, командир вновь прибывшей сапёрной роты. Два солдата за ним разматывали с катушки полевой кабель. Козырнув согласно ранжиру вышестоящим офицерам и обращаясь к коменданту, доложил: «Ваше превосходительство! Работа закончена. Оставшиеся люди эвакуированы. Крепость готова к уничтожению!

– Заряды заложены везде? В достаточном количестве? – уточнил Бржозовский.

– Так точно!

– Взрывайте!

– Виноват, Ваше превосходительство! Я отказываюсь это выполнять.

– Что? Вы сошли с ума, штабс-капитан! Извольте выполнять!

– Никак нет, Ваше превосходительство! Простите мне мою вольность, но на это имеете моральное право только Вы.

И тут, молчавший Свечников, вдруг вмешался: «А ведь штабс-капитан прав! Ей-богу прав, Николай Александрович!».

– Опять своеволие, Михаил Степанович! – развёл руками Бржозовский. Ещё раз оглядев то, что было крепостью Осовец вдруг тихо прошептал: «Прощайте, соратники! Прощайте, мои боевые товарищи! Надеюсь вы простите мне мой грех. Я не могу взять Ваши останки на Родину, в Россию!». И обернувшись к штабс-капитану резко бросил: «Давайте уже Вашу чёртову машинку!» Минуту спустя, закрыв глаза чтобы не видеть того, что произойдёт, крутанул ручку.

Эпилог

Нас давно уже нет в живых. И судьбы наши после той войны сложились по-разному. Кто-то пропал без вести. Кто-то попал в плен. Кто-то умер от ран и отравления газом в Минских госпиталях. А кто-то оставшись верен присяге воевал в рядах белой гвардии. Иные – в Красной армии. И там сложили свою голову. Кому-то досталась и финская война. Немало нас воевало и во вторую германскую. Кто-то был расстрелян сразу после октябрьского переворота. Кто-то позже в тридцатых. За принадлежность к дворянскому сословию. А многие попав в разряд «врагов народа» завершили свой путь в лагерях ГУЛАГА или у стенки НКВД. Некоторые жили и умерли за границей. Кто в богатстве, кто в нищете. Но приближается август 2014 года – столетие Второй Отечественной как мы её называли. И сегодня мы встали на переключку. Все те, о ком хоть что-то удалось узнать. И пусть эта переключка даст вам возможность вспомнить о нас. Потому, что кто-то не хотел, чтобы о нас знали. Потому, что «нация иванов-не-помнящих-родства»,

нация, потерявшая свои корни обречена на вымирание. Равняйся! Смирно!

Карл-Август Александрович Шульман, отбивший первый штурм в 1914 году

Карл-Август Александрович был переведён в крепость Иван-Город. Место захоронения генерал-лейтенанта не известно.

Полковник Константин Васильевич Катаев, командир Землянского полка

– **Константин Катаев. Он же руководитель 2-го отдела обороны крепости Осовец. Место захоронения неизвестно.**

Бржозовский Николай Александрович, генерал-майор, второй комендант крепости Осовец?

– **Генерал-майор Бржозовский, награждённый множеством русских боевых орденов, в чине генерал-лейтенанта, оставшись верен присяге, воевал на стороне Добровольческой армии. Умер в 1924 году в Югославии.**

Полковник Михаил Степанович Свечников, начальник штаба крепости

– **Свечников Михаил Степанович после Октября 1917-го перешёл на сторону Красной Армии. После гражданской войны преподавал в военной академии. «Враг народа». Расстрелян в 1938 году.**

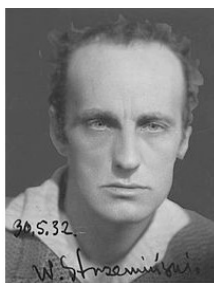
Генерал-майор, барон Алексей Павлович фон Будберг.

– Алексей Будберг воевал на стороне Белой гвардии. Военный министр Колчака. В 1920 году – командующий Владивостокской крепостью. В 1921 году эмигрировал в Манчжурию, потом во Францию и в США. С 1924 года – Руководитель Общества Русских Ветеранов Великой войны. Умер в Сан-Франциско.

Подпоручик Владимир Карпович Котлинский

– Подпоручик Владимир Котлинский, с остатками своей саперной роты, смертельно отравленный в газовой атаке на крепость, возглавил знаменитую «атаку мертвецов». Незаслуженно забыт нашими историками.

Подпоручик Владислав Максимилианович Стрежеминский

– Стрежеминский Владислав Максимилианович в 1914 году назначен в Осовецкую крепость в сапёрную роту. 6-го августа 1915 года принял командование от погибшего В. Котлинского остатками 13-й роты Землянского полка. Передал командова-

ние прапорщику Радке. 7-го августа того же года награждён Георгиевским оружием. На позициях под Першяями (Беларусь) в ночь с 6-го на 7-е мая 1916 года тяжело ранен во время миномётного обстрела. Ампутирована правая нога и левая рука по локоть. Поражены глаза. После лечился в Москве. 6-го июня Высочайшим указом – орден Святого Георгия 4-й степени. В 1918 году руководит отделом Наркомпроса и преподаёт в СОВМАСе. В 1920—21 гг организовал в Смоленске филиал группы УНО-ВИС. В 1922 г. переехал в Польшу. С сентября 1939 по май 1940, прячась от войны, живёт в Вилейках. Затем, используя немецкие корни жены, вернулся в Лодзь. После войны снова на преподавательской работе. В 1950 году приказом министра культуры Польши отстранён от преподавания за несоответствие соцреализму. Похоронен в Лодзи на старом кладбище в 1952 году, в возрасте 59 лет.

Штабс-капитан Александр Николаевич Журавченко, воздухоплаватель крепости Осовец

– Штабс-капитан Александр Журавченко перешёл на сторону Красной армии. Впоследствии стал большим учёным, профессором Московского Авиационного Института.

Годы жизни 1884 – 1964.

Вольно! Сейчас мы огласим список тех, кто умер в госпиталях Минска и похоронен на кладбище Великой войны. Эти солдаты подверглись газовой атаке, но были ещё живы и доставлены в Минск.

**Василий Васильев – 227 Епифанский полк.
Андрей Верхов – 226 Землянский полк.
Пётр Гуцин – 84 Ширванский полк
Андрей Дидуша – 81 Апшеронский полк.
Василий Зайкин – 227 Епифанский полк.
Макар Иванов – 84 Ширванский полк.
Иван Костычев – 226 Землянский полк.
Афанасий Лебедь – 81 Апшеронский полк.
Александр Лисовский – 75 Осовецкая рабочая рота.
Иван Лонченко – 81 Апшеронский полк.
Феодосий Магдейко – 84 Ширванский полк.
Семён Мазов – вольноопределяющийся, 84 Ширванский полк.
Роман Михеев – 227 Епифанский полк.
Пётр Парамошин – 84 Ширванский полк.
Андрей Письмок – 84 Ширванский полк.
Кузьма Самгилов – 226 Землянский полк.
Пётр Сорока – канонир Осовецкой крепостной артиллерии
Дмитрий Тутыхин – 227 Епифанский полк.
Андрей Федотов – 227 Епифанский полк.
Михаил Шереметев – 225 Ливенский полк.
Алексей Ясенков – 227 Епифанский полк.
Антон Быковский – звание неизвестно, католик, Осовецкая крепостная артиллерия.
Степан Абухов – 225 Ливенский полк.
Кузьма Будаев – 225 Ливенский полк.
Сергей Козловский – 225 Ливенский полк.
Иван Кульгинов – 225 Ливенский полк.
Павел Марков – 225 Ливенский полк.
Михаил Негашенко – 81 Апшеронский полк
Антон Мисюра – 225 Ливенский полк.**

В этом госпитальном списке мало солдат Землянского полка. Они погибли почти все. Ещё в той «атаке мертвецов». Вечная слава и память тем, кто остался неизвестным тогда. Но это не умаляет их доблести! Когда наступит август 2014 года – вспомните о нас. Через сто лет, но вспомните. Мы тоже хотели жить. Но за нами была Россия. Земля завещанная нам предками. И мы не отдали ни пяди. У нас не было разницы в вере и национальности. У нас была Россия.

Гарнизон крепости Осовец.

Не сдавшийся в плен

*Всем пропавшим без вести
Великой Отечественной 1941—1945г.г.*

Политрук

Вначале увиделось небо. Густо-синее, летнее... Потом увиделось как продотрядовцы раскапывали яму, где прятали зерно для посева следующей весной... Потом – как вели батю к пролётке двое красноармейцев с винтовками. И человек в кожаной куртке орал: «Ты ещё вякать будешь, кулацкая морда? В городе разберёмся!»... И пыль за пролёткой по деревенской улице... Потом похороны матери так и не дождавшейся бати из города... И секретарь комсомольской первички рвущий его заявление о приёме в комсомол...

Потом вернулся слух. Где-то вдалеке неясный гул моторов... тройка немецких «лапотников» пролетевших над ним... Значит прошли. Бой был коротким. Ещё бы! Это ведь был прифронтовой тыл. Здесь должен был стоять полнокровный батальон со всеми прибамбасами. Их роту временно поставили на охрану моста. С приказом дожидаться смены. И дождались... Немцы выросли как из-под земли. И когда в прицеле его «максима» заплясали фигурки в мышиной форме и залегли, то казалось не скоро появятся они на их стороне. И бой вроде затих. Но появились «лапотники». Раз за разом пикируя они мастерски точно накрывали окопы. Да так, что и головы не поднять. Ещё, что он увидел в последние секунды сознания это несколько пушек выдвинутых на прямую наводку. Разрыв, свой полет куда-то вверх и провал... В тишину и темноту. Сейчас вместе с тупой болью во всём теле возвращались зрение и слух. Значит они прошли. Значит взорвать не успели... Он скосил глаза. Вокруг лежала рота. Мёртвая. А его командир прислонившись к стволу «максима», устало закрыв глаза казалось мирно спал.

– Но я-то ещё живой! – подумал он. – Оглядимся, а там решим, что делать. Война войной, но не звери же они в конце концов! Небось, тоже люди подневольные. Приказали и пошли.

Сбросив с себя чьи-то ноги в расхристанных обмотках, перевернулся на живот и увидел то, что осталось от их позиции: осыпавшиеся окопы, застывших в разных позах сотоварищей, немецких похоронщиков ровнявших часть их окопа под могилу и аккуратно укладывающих туда своих убитых... Тех было не так уж и много.

– Умеют воевать! – подумалось ему снова. – Попробуй, победи. Вот тебе и «малой кровью на чужой территории»... Нет, надо сдаваться! Не могут люди с такой аккуратностью быть зверьми!

Да, воевать с людьми прошедшими по Европе чуть ли не парадом действительно казалось бессмысленным и бесполезным. И решение сдаться в плен утвердилось окончательно и бесповоротно.

Перемахнув через мост напротив него, внизу на дороге остановились четыре мотоцикла с пулемётами в люльках. Ражие, здоровые парни во главе с офицером соскочили на дорогу. Весело переговариваясь стряхивали с себя русскую дорожную пыль. Кто закурил, кто потянулся к фляжке, кто менял магазин в автомате... Трое подошли к офицеру. И тот, достав карту, что-то втолковывал им вода по ней пальцем.

– Всё! Надо вставать. Руки в гору и в плен. Моя война проиграна!

И только он собрался сделать это, как снова припал к земле. Похоронщики вели к этой группе солдат ещё двоих оставшихся в живых после боя. В одном он узнал политрука роты. Молоденького двадцатилетнего мальчишку. На нём не было

его комсоставской гимнастёрки. Он шёл в нательной рубахе. Второй был весельчак и любимчик роты Вовчик. Уже без ремня. Улыбающийся, как всегда. Да и шёл-то он как бы не под охраной. Как бы рядом. Старший из похоронщиков козырнув и показав рукой на этих двоих, что-то сказал офицеру. Тот, сняв фуражку и вытерев лицо носовым платком, повертел его в руках и выбросил в придорожную пыль. Подозвав одного из солдат спросил о чём-то. Тот обратился к пленным. Видимо знал русский. И тут Вовчик смеясь подошёл к офицеру и показывая на политрука начал что-то горячо объяснять. Офицер повернувшись к переводчику, внимательно выслушал, покачал головой и жестами показал Вовчику – бей! И Вовчик подойдя к политруку начал его дубасить. Безжалостно. С весёлой злобой. А когда парнишка упал, продолжал своё дело ногами стараясь бить по лицу. Немцы казалось даже с пренебрежением смотрели эту сцену на пыльной просёлочной русской дороге. «Что ж ты делаешь, сука! – подумал про себя пулемётчик собравшийся в плен. – Если я сдаюсь, то ведь не за чью-то жизнь! Ладно я сын кулака. Ладно есть личная обида. Ладно по своей воле хочу. Но ведь ты же, подлюка, на всех комсомольских и партийных собраниях роты больше всех драл глотку за победу! Клеймил позором немецкий рабочий класс лёгший под фюрера... И вот ты как есть на самом деле?!» Он закрыл лицо ладонью. Потом снова посмотрел туда. И когда увидел, как Вовчик просил у офицера пистолет, то вся оправданная схема сдачи в плен на милость победителей вначале треснула, а потом рассыпалась в прах. И поднялось внутри что-то древнее, скифское, кровавое и безжалостное к противнику. Такое, что не оставляет понятие о «потом». Такое, которое надо сделать сейчас. И здесь. А то, что ждёт впереди будет известно «потом». И эта скифская злость хотела крови. Он хотел спасти не политрука. Нет! А молодого двадцатилетнего парнишку ставшего им. Парнишку, которого избивал здоровенный детина на глазах тех, кто должен был это делать по приказу. И по своей звериной философии. Мысль работала чётко. Даже боль отступила на время куда-то.

– Их десятка два... другие далеко впереди и не услышат... а эти в куче... разбежаться не успеют. Да и куда? Всё открыто... и лента почти полная...

Дополз до своего «максима», повернул ствол в сторону групповой цели и передёрнув затвор увидел, как Вовчик из офицерского пистолета выстрелил в лицо поверженному.

– Прости, парень! Не успел!

Глубоко вздохнув, успокоив себя, пулемётчик длинной очередью повёл слева направо. И снова в прицеле заплясали фигурки в мышинной форме ломаясь и падая в дорожную пыль. А после устало закрыл глаза. Когда кончилась лента...

В наступившей тишине, подкрашенной звуками далёкого боя, вдруг услышалась песня жаворонка. Где-то высоко в небе. Один оставшийся в живых из всей роты, преодолевая вернувшуюся боль спустился к дороге. По-мужицки прикинув что-то, снял с ещё тёплого немца ранец, набил его до отказа едой и сигаретами из других, засунул за пояс и голенища несколько магазинов от немецких автоматов и прихватив один из них пошёл в ту сторону, где за горизонтом грузно, тихо, но тяжело ворочался фронт.

Немецкий лётчик

Как ни экономил солдат, а той еды, что набрал из немецких ранцев хватило всего на неделю. Чего только не насмотрелся за это время! От того, казалось бы оправданного порыва сдаться в плен уже не осталось и следа. Днём шёл лесом. А где его не было, топал по ночам.

Вторым сильным впечатлением после убитого мальчишки-политрука было ещё одно: два наших сгоревших танка БТ. На одном была сорвана башня, а в другом весь обугленный до неузнаваемости торчал из люка труп танкиста глядевшим тем, что когда-то было лицом куда-то в небо. Других членов экипажей не было видно. Ни тел, ни обрывков обмундирования... И кто знает куда они делись. Теперь видимо никто уже никогда и не узнает... Шёл солдат по сожжённым деревьям, где иногда можно было разжиться не пойманной немцами курицей. Или мясом убитой «сверхчеловеками» собаки. А то и куском конины, пусть и припахивающей бывало. Но в лесу обжаренная на костре она была вполне съедобной. А деньки, когда кишка кишке протокол писала тоже были. Тогда спасал лес. Но только там, где безжалостный и жестокий каток вторжения ещё не прокатился. Лес-батюшка хоть как-то, но подерживал. А сильно полегчавший, но когда-то набитый под завязку едой ранец он не выбросил. В нём лежало несколько магазинов от немецкого автомата, пара гранат, что нашёл в дороге и полпачки сигарет «Юно». Их тоже приходилось расходовать экономно. Когда ещё табачком разживёшься... Курил тогда, когда уж очень сильно хотелось. Так и шёл на звук фронта, который то приближался, то убегал на восток. «Вот зачем иду? – думал он. – Зачем? Ведь всё равно сын «кулака»? И там, за линией фронта это всплывёт. А где ты был? Наверняка спросят. И поверят ли в то, что я не от немцев иду, а? Так и будет это «кулацкое» клеймо висеть на мне... Хотя какой батя «кулак»? Лошадка, куры, десяток гусей, коровка... И ведь не нанимал он никого... Я да два брата отцовы помогали. И по каким таким меркам стали вдруг «кулацкой» семьёй? И ведь нашлась какая-то лярва в комбеде, «стукнула»... Не забрали бы тогда зерно, отсеялись и с хлебцем были бы. Вот тебе и «земля крестьянам, мир народам.»

Он остановился, оглянулся. Лесная дорога чуть угадывалась. Видно по ней уже давно никто не ездил. Но ведь куда-то и когда-то она вела! Он присел сойдя с неё в сторонку, положил рядом автомат, снял с предохранителя, прислонился спиной к дереву и... заснул. С устатку. Но инстинкт самосохранения, который есть в каждом из нас, разорвал сон. Послышалось сквозь него, что где-то рядом застучал пулёмёт. Он и не понял, как это немецкое железо само прыгнуло ему в руки. Скатившись за поваленное дерево и направив ствол в сторону услышанной очереди прислушался. И уже ближе, где-то совсем рядом и почему-то сверху, снова: «Ты-р-р-р-р-р-р!» Но звук уже не пулёмётный. Он поднял глаза. На соседнем сухом стволе тополя сидел дятел. Солдат сплюнул в сердцах, потом улыбнулся, покачал головой и поставил автомат на предохранитель. А лесной пулёмётчик внимательно и весело скосив на него глаз снова отстучал длинную «очередь» и улетел по своим делам.

Сняв с плеча немецкий ранец боец достал оттуда сигарету, прикурил, затаился и под далёкие фронтовые раскаты воспринимавшиеся здесь как гроза снова поползли невесёлые думки: «Догнать видно уже не получится... Быстро воюют... Быстро! И грамотно... Вот и о куреве подумать надо... и о жратве тоже...» Глубоко затаившись посмотрел на трофейную сигарету: «Вот ведь дрянь какая! Ни крепо-

сти, ни вкуса. Супротив нашей махры – тьфу! Не накуриваюсь, хоть тресни!». Откуда-то с запада появился звук, который приближаясь становился всё весомее и тяжелее. Казалось, что кто-то огромный и многоголосый выводил: «Не-сууу... Не-сууу...» И там в небе откуда шёл этот звук они появились – большая группа тяжёлых двухмоторных немецких бомбардировщиков, которая как бы нехотя ползла по выцветшему летнему небу. «Разлетались! А наших-то „сталинских соколов“ и не видать совсем. Да...» И совсем не к месту вспомнилась строчка из довоенной песни: «Любимый город может спать спокойно...» Когда-то он всю её помнил. А теперь... теперь злость распирала, глядя на всё это.

И тут, откуда-то из-за облаков, свалилась тройка наших И-16. «Ишачки» пронзили строй немцев под углом сверху и разворачивались для новой атаки. Один бомбардировщик оставляя за собой густой и чёрный след дыма резко пошёл к земле. Другой зачеркнув яркой вспышкой память о себе взорвался разлетевшись на куски. Третий потянув куда-то в сторону, прервав своё «не-суууу», осенним листом грохнулся где-то за горушкой. Трескотня бортовых стрелков немцев зло сорвалась с неба. Истребители развернувшись снова рванули к черной армаде. Но «бомберы» были не одни. На нашу тройку шли «мессершмидты». Их было больше.

– Да что ж вы? Не видите, что ли? – заорал солдат наблюдая эту картину. – Да посьбивают же вас, черти!

Словно услышав его отчаянный крик пара И-16 развернулась, и бросилась навстречу врагу. И закрутилась в воздухе смертельная карусель. И никто там, в небе не знал, кому и когда выпадет не летать больше. Один «мессер» задымил оставив в воздухе зонт парашюта. Но и тот, кто его сбил по спирали врезался в землю. Второй «ишачок» выписывая невероятные зигзаги столкнулся с одним из нападавших. А последний нарвался на меткого бортового стрелка. И почти потеряв управление, видя безвыходность положения лётчик направил свой «ишачок» на ближайший бомбардировщик снеся ему крыло. Так и падали вместе. Отсюда, с земли, наш невольный свидетель не видел из какого истребителя выпрыгнул летун. Но как два «мессера» атаквали его с разных сторон видел. И как погас купол его парашюта видел тоже. И как падал пилот... Зато вокруг другого парашюта описав круг и помахав ему крыльями – «Вернёмся, мол, за тобой!» – воздушное прикрытие ушло вслед за бомбардировщиками. А парашют несло прямо к нему. Тому, кто когда-то хотел в плен. Пилот «люфтваффе» мастерски спланировав почти над верхушками деревьев приземлился на поляне. Улыбаясь посмотрел туда, куда улетели его друзья и сказав – «Ende gut – alles gut!» – начал гасить купол. Погасил, отстегнул ляжки...

– Живой, говоришь? – вдруг услышал он за своей спиной. – Повезло!

Перед пилотом рейхсмаршала Германа Геринга на пеньке сидел худой, небритый, в какой-то замызганной гимнастёрке русский солдат. Но когда он потянулся к кобуре русский погрозил пальцем: «Не шуткуй!». И угроза была реальной потому, что в руках солдат, казалось с каким-то удивлением вертел в руках автомат. Ствол к нему. Изредка бросая взгляд исподлобья.

– Это ж сколько пулемётов против наших трёх! А? И это ж кому я собрался, прости меня господи, сдаваться?

Услышав «сдаваться» немец улыбнулся: " Gut!». И потянул руку к автомату.

– Gut! Карашо! – но замер встретив неприветливый взгляд.

– Ладно, сбили русских. Знать судьба! Но и вам надавали по соплям. Согласись? А ведь наш летун тоже жить хотел... а вы его, беззащитного... Это как?

Немец начал понимать, что не сдаваться будет русский. Нет! Он упрекает его в чём-то. В чём? Что крутилось в его арийском мозгу в тот момент так и останется тайной. Но ничего хорошего судя по тону ждать не придётся. И рука, как ему показалось, снова незаметно поползла к кобуре. Русский направив ствол ему в живот опять погрозил пальцем: «У меня не забалуешь!» Потом не отводя автомата подошёл, вынул у немца пистолет и повернув к себе спиной толкнул: «Иди! Ты теперь с нашим лётчиком на равных». Пилот «люфтваффе» понял – это всё! И повернувшись к этому «унтерменшу» начал орать. Зло. И с перекошенным лицом. А славянский маргинал спокойно слушал. Ведь кроме «хенде хох!» он не понимал ничего. Но если бы понимал хоть слово из цивильного немецкого языка, то задушил бы собственными руками. А он, продолжая как будто с удивлением вертеть в руках автомат, вдруг, вроде нечаянно, нажал на спуск. Автомат выплюнув несколько пуль отбросил немецкого пилота к берёзе. Машинально повернувшись, обхватив её ствол руками, ещё мгновение назад живой немецкий лётчик начал медленно сползать к земле...

Так и нашли его парни из аэродромной службы когда приехали. Обнявшим русскую берёзу у самого комля. И ветер шевелил его светлые волосы. А на лице у пилота было такое спокойствие, что всем стало ясно – он больше никогда не поднимется в воздух.

Траурный обряд

Кое-где уже начинала желтеть листва. Одиночно, но для опытного глаза заметно. Если приглядеться. На общей зелёной картине леса это ещё не отражалось. А вот ему, выросшему в деревне, осень уже сигналила о своём приближении. «Надо что-то думать... Прибиться в какой-нибудь деревушке к одинокой вдовушке? Но ведь тогда надо найти такую глухомань куда и немцам лень будет ездить. Или хуторок в лесу, который и сам хозяин ночью с трудом находит... Фронт я уже по всей видимости не догоню. – лениво текли мысли. – Это ж ясно, как божий день. Лихо прут, суки! Моторов тьма... И сверху, и снизу... Вот тебе и «от тайги до британских морей!»

Повинуясь инстинкту самосохранения он шёл по ночам. А как иначе? Оккупанты подтягивали тылы, устанавливали свои порядки, начинала работать их администрация... Тыловые и карательные команды тоже делали своё дело. Не раз кусая до крови кулаки он издали наблюдал, как в деревнях ловили прятавшихся красноармейцев. Более-менее здоровых уводили под конвоем, а раненых расстреливали за ближайшим сараем. Или вешали на первом подвернувшемся дереве. «Вот б... влип! Ни туда, ни сюда. У своих какой-нибудь дотошный НКВДешник найдёт бумагу, что я сын „врага народа“ и кирдык! И здесь, в одного, долго не набегаетесь. Всё равно засветишься где-то. Вероятнее всего, когда еду с куревом добывать буду... Кстати, не курил уже давненько! Страсть как хочется... И куда я вчера перед рассветом кувырнулся! В какую яму?»

Он вспомнил, что свалившись куда-то сразу уснул вымотанный долгим переходом и голодом. Глянув вверх солдат увидел чуть посеревшее небо: «Ага! Значит всё на своих местах... Небо там, где и должно быть». Ощупав руками землю вокруг себя понял, что это воронка. Земля на её стенках была уже несколько суховатой. Значит бой здесь был не вчера. Это обнадеживало. Он сел и стал шарить по карманам ища заныканный на всякий случай жирный немецкий «бычок». Нашёл. Достал замотанный в кусок клеёнки полупустой коробок спичек. Закурил. «Посветлеет ещё так надо бы оглядеться – подумалось ему. – Кто знает, что вокруг?». Вспомнил, что в магазине патронов осталось как у латыша: «Добывать придётся. Скучновато как-то без них». Жить пока ещё хотелось, а без патронов не жизнь!

Когда окончательно развиднелось солдат выглянул из своего убежища и теперь уже внимательно огляделся. Увиденная картина прорисовавшаяся в утреннем свете не тянула просто на грусть, а забила в горло горький ком. Даже человеку далёкому от армии с первого взгляда стало бы ясно – это был бой заслона. Того заслона, из которого не возвращаются. Заслона из тех, кто остался в нём не по команде. Кто своею гибелью дал шанс другим на спасение. В такой заслон идут сознательно выбрав свой крест. Догадаться о том, что здесь произошло особого труда не составляло: сгоревший немецкий танк, перевёрнутый бронетранспортёр с надписью» *Got mitt uns!*» на борту, наша изувеченная пушка, десятка два одинаковых, в аккуратном ряду, холмиков с деревянными крестами и касками на них и наши ребята там, где застала их смерть. Три артиллериста и пулемётчик. Этого видно добивали последним. Выдернутый из своего окопчика и брошенный на спину он был заколот штыками. Или финками. Три пустых диска и покорёженный «дегтярь» были свидетельством тому, что парень до конца выполнил свою горькую солдатскую работу. «Наш брат, пулемётчик. – мысленно подытожил не сдавшийся в плен. – А я там, у речки,

хотел ещё руки в гору... Хоть бы, сволочи, в воронке зарыли. Всё бы хоть как-то по-человечьи... Ладно, братцы. Я вас нашёл – мне и хоронить»

Солнце осторожно показалось из-за линии горизонта. В нагреваемом воздухе над телами начали роиться мухи. А муравьи... так те уже только чуть рассвело густо облепили погибших. Боец знал – всем выдавали! – что у солдат в пистонах брюк должны быть маленькие круглые пенальчики. А в них бумажки с именами, фамилиями и домашними адресами куда в случае гибели надо сообщить. Таковых у бойцов заслона не оказалось. Либо перед боем сдали своим, либо победители забрали «на добрую память» как сувениры. И теперь те, кого «демобилизовала» навсегда война, пополнят графу «пропал без вести». Или «погиб в бою» У наводчика была в нагрудном кармане махорка. Немного. Меньше полпачки. Видимо «сверхчеловеки» побрезговали таким убойным куревом. Лёгкие не те.

– Прости, брат! – обратился к мёртвому боец. – Тебе махра уже без надобности, а мне... аж в груди свербит.

Переложив махорку в свой карман, ещё раз оглядел поле боя и нашёл то, что искал. Рядом с погнутым сошником орудия лежала сапёрная лопатка. Но только он взял её в руки, как в утренней тишине прорезался звук работающих двигателей. Резко оглянувшись увидел – из-за дальнего леска на эту дорогу выползли два открытых грузовика с солдатами. Раздумывать некогда. Обыкновенный животный страх бросил его на землю рядом с артиллеристами. Сквозь прищуренные веки было видно, как грузовики надвигались казалось прямо на него. «Только бы не заметили, господа! И „шмайсер“-то в воронке! За просто так и жизнь отдашь, если заметят. Как же я так промудохал-то, твою мать? День же ясный, расхрестить меня в царя хрести!» Через прищур было видно, что грузовики остановились напротив и весёлые, молодые немецкие парни смеясь показывали в его сторону. Один из них поднял карабин и прицелился. «Неужели в меня? – пронеслось в мозгу. – Всё! Добегайся!» Но от пули дёрнулось исколотое тело пулемётчика. Снова раздался смех и чья-то рука надвинула стрелявшему каску на глаза. Грузовики под весёлый гомон солдат вермахта взревели моторами тронулись дальше. И только стих за бугром звук моторов, трясущимися руками, опёршись спиной на колесо исковерканного орудия, не сдавшийся в плен оторвал от подобранной раньше немецкой листовки клочок, достал из кармана и насыпав в него махорки, закурил. Жадно.

– Бздишь, когда страшно? – спросил он сам себя. – А и правильно, если бы плёпнули! Неча про осторожность забывать... Надо, однако, до вечера в воронке отлежаться. По вечерам они редко воюют. Культура! А тебе, браток, отдельное моё человечье спасибо! – он поглядел в сторону мёртвого пулемётчика. – Ты ещё одну душу спас, хоша и не живой... Прощевайте, братья, до вечера! Стемнеет чутка – похороню!»

Луна появляясь время от времени, как бы маскируя бойца, всё же дала ему возможность закончить скромный похоронный обряд. Аккуратно подровняв холмик лопаткой солдат присел рядом с ним, снова скрутил самокрутку и пряча огонёк в ладонях начал мысленный монолог с погибшими: «Если вы отдали свои памятки ребятам – это хорошо. Теперь им только дойти до своих и выжить. Тогда без вести не пропадёте. Хуже, если их немцы забрали. Тогда ваши имена только родня будет вспоминать... Да, свалилась эта война неожиданно. Хотя ж и ждали вроде. А всё равно, как снег на голову. Вы уж простите меня, что я вас не в настоящие могилы положил. Зато вы сейчас в этой воронке дружка напротив дружки. Лицом к лицу

по кругу. Теперь можете спокойно беседовать. Никто не мешает. Где-то я слышал, что мы не умираем бесследно. Ещё можем в вышних коридорах жить пока нас помнят. Правда или нет – не знаю. Но уж очень хочется верить, что так оно и есть».

Солдат тяжело вздохнул, поглядел на небо с первыми звёздочками, дошёл до леса, что начинался недалеко и двинулся по его краю. Опыт подсказывал – поступает правильно. Сам замечен не сразу и обстановку вокруг видно. Мысли далеки от высокого патриотизма когда идёшь один. Инстинкт подсказывал – надо выжить. Разум спрашивал: зачем и кому ты нужен? И были они, эти мысли, просты: «И к немчурам не хочу, и к своим не в жилу. Да и не догнать их, своих-то! Курево можно подэкономить, летом в лесу с голода не помрёшь, воды с любой лужи можно набрать. Разогнал головастиков и „приходи кума любоваться“ Тем паче они эту воду и чистят. Ещё дед говорил. А вот что-то посерьёзней из еды, то приходится с риском добывать».

Тихая обитель

Сколько он оттопал – неизвестно. Но чёрное, звёздное, ночное небо стало потихоньку, по одной, гасить звёзды. А значит идти ему до привала ещё часа два. Не больше. Да и шёл он только лишь потому, что пассивно ожидать чего-то он просто уже не мог. Между прочим, вспомнилось, что по-серьёзному он ел два дня назад, расстреляв двух полицаев на подводе, что везли немцам продукты. Правда потом был дальний забег по пересечённой местности. Но он его выиграл. Жаль, что не удалось тогда взять столько сколько хотелось. Да уж не до жиру... а последние два дня был чисто вегетарианский рацион: щавель, ягоды, грибы на палочке над костром в глухой чаще... Ухмыльнувшись вспомнил одного немца. Тот по-хозяйски, непростоительно далеко от деревни, ловил жуков и складывал их в коробку. Обидно стало – пришёл не в гости, а чувствует себя как дома. Но у него были такие очки... с такими линзами... что просто было удивительно, как мог фюрер доверить ему оружие!? Без них он бы своих поубивал не глядя. Да и в них тоже. Зато теперь в солнечный день развести костёр, прикурить – легко! Жуков наш беглец выпустил. Пускай живут... Свои жеть жуки-то!

Под утро голод и усталость взяли своё. Он остановился, огляделся и решил, что отдыхать здесь себе дороже. Почти у самого леса – рокадная дорога. Рядом с ней явно не без «дорогих гостей» большое село. Скоро здесь начнётся интенсивная движуха. А вдруг какому-нибудь фрицу приспичит? И он сиганёт в кусты? Явно ж не один будет. А тут блаженно спит обтрёпанный русский солдат... Нет, спасибо! Ведь тогда кончина его будет вопросом времени. И солдат решительно свернул вглубь леса.

Всё же есть на свете Бог! «Нитью Ариадны» стала полузросшая тропинка, что привела его в дебри, где как в сказке был «теремок». Если добротное охотничье зимовьё потянет под это определение, то пусть так и будет. Но это была уже настоящая крыша. Пусть на девяносто девять из ста здесь никого с начала войны и не было, но осторожность не помешает. Целых полчаса солдат из кустов наблюдал за зимовьем. Убедившись, что к родничку заботливо выложенному камнями никто не вышел, солдат всё же осторожно вдоль стенки прокрался к двери и взяв автомат наизготовку, пинком открыв её ввалился внутрь. Никого! Облегчённо вздохнув присел на чурбачок выполняющий роль табуретки. Сам деревенский он твёрдо знал, что охотники всегда оставляют излишки. Осмотрелся: закопчённый чайник, котелок, на полочке ложка... а к перекладине подвешен мешочек. В нём немного соли, головка сахара, грузинский – ухмыльнулся сам себе, – чай, сухари, макаронный почти полный пакет, спички и... целая пачка «Беломорканала»! Это уже царский подарок судьбы. Спасибо довоенным охотникам! Низкий поклон! Значит новые «хозяева» ещё сюда не добрались. Прикинув, что в такой глухомани можно свободно растопить печурку, «комендант стратегически важного объекта» принёс воды, притащил сушняк, растопил печурку и поставив котелок с чайником на плиту сел на маленькое крылечко и блаженно закурил «пшеничную» папироску. Махра осталась до более тяжких времён. Потом сварил макароны, перекусив так, чтобы после голодухи кишки узлом не пошли, попил чайку с сахаром и сыто развалившись на лежанке в обнимку с немецким автоматом провалился в сон. Глубоко. До дна.

Проснувшись, доев то, что оставил на потом, снова завалился на лежанку. И «невесёлые тараканы» снова зашевелились в черепной коробке. Больше всего

не устраивала, как казалось, его ненужность. Солдат был твёрдо уверен – ни туда, ни к своим ему хода нет. И это сидело в нём твёрдо. На чём держалась уверенность он и сам себе не мог ответить. Уверен и всё! И внутренняя злость от этой уверенности растекалась по обе стороны. Не мог он забыть арест отца и смерть матери. Не забыл и того почему стал детдомовцем. Вспомнил и ту речушку почти у границы где их бросили без прикрытия... Но и гибель мальчишки-политрука ещё стояла у него в глазах. Никуда не делся и немецкий лётчик казнённый им. Да и другие враги не ожидавшие смерти в казалось бы глубоком тылу... а работа немецких тыловых частей была, пожалуй, похлеще продотрядов. Складывалось такое впечатление, что ему одному на всей земле придётся расхлёбывать эту кровавую кашу. Как будто у него рот «ширше» других! Но всё-таки злость на чаше весов против тех, кто пришёл сюда не званым, перетягивала. Потому, что он был русским. Вот и весь расклад. И как вспышка, там, под темечком, блынула простая мысль – надо хлопнуть дверью! Один на всей планете против столько нелюдей? Да плевать, в кикимору, леших и всех остальных вурдалаков! Но хлопнуть дверью так, чтобы самому обидно не было. Сделать, как его учили. Нужен пулемёт! Не важно чей. Важно было его найти. Это – первейшая задача! И реально выполняемая. Теперь, когда мысли приобрели чёткость и ясность, душе стало спокойно и легко. От правильности принятого решения. Выложив из мешочка остатки продуктов в «сидор», – могут пригодиться, – закинув туда же котелок, он двинулся опять к востоку. Уже более твёрдой походкой. На запад дороги не было. Без малейшей тени сомнения...

Последний бой

Так и шёл солдат всеми забытый и брошенный. От той, почти приграничной речушки. Не убитый оккупантами в первом бою. Обретя уже твёрдую цель в поисках точки, где с полной отдачей мог применить то, чему был обучен. Родных у него не было. Так что поставить стакан поминальной водки накрытый куском чёрного хлеба у своего портрета было некому. Да и дома, где бы стоял стол с этим портретом, и где поминали бы его друзья и родня не было тоже. Эта сторона жизни не тяготила. Тем паче, что свою кончину он уже ясно видел в другой раскладке. А когда видишь финал, то и решения принимаются легче. И кажется не без помощи Всевышнего материальность мысли была доказана наутро следующего дня.

На войне не всегда всё предусмотреть. Особенно когда одна сторона имея бешенное превосходство в оснащении и топя в обнимку с подругой «Внезапность» стремительно рвётся вперёд к своей, казалось бы уже достижимой, цели. Не всегда видно то, мимо чего пролетают её самолеты и проносятся танки. Да и пехота, чтобы не сорвать темп наступления не всегда шарит по сторонам. Этим занимаются тыловые службы. Но похоже и они при такой скорости движения не всегда выполняют свои функции добросовестно и досконально. Видимо ещё и потому, что работы и так по брови. Вот и наткнулся наш пилигрим на такую точку. Не зная, правда, что там найдёт. А выглядело всё так – в километре от леска, где он сейчас лежал в траве, прямо у развилки дорог стояла высотка. На открытой местности. «А чтоб у лешего рога отвалились! – думал солдат. – Там, вот те крест, должно что-то быть... Если немчура не побывала... Чует моё сердце, есть! Днём-то, вона как шныряют! Пыль не осядет... А ночью туда просочусь... Если нет ничего – буду искать дальше. Но ведь есть! Ох как хочется, чтобы было! Решено, смотрю!»

Дождавшись ночи, падая в траву от света фар редких машин и прочей колёсно-гусеничной техники, он начал рывок к своей Голгофе. Увиденное там, на высотке, превзошло все ожидания! Это был хорошо замаскированный окоп полного профиля служивший ходом сообщения между двумя грамотно спрятанными дзотами. В каждом из них стояло по исправному пулемёту. Стояли ящики с пулёмётными лентами, гранатами и обоймами патронов... Чего тут только не было, господи! На этом месте могла обороняться как минимум рота бойцов. Значит трофейные команды сюда ещё не добрались. А может на потом оставили... Куда им спешить-то? Тыл же! Только вот почему наших здесь не было в своё время, не понятно. А может ушли, боясь окружения? Кто ж его теперь знает! На войне всяко бывает. И пока солдат осматривал своё богатство наступил божий день. На одиночных мотоциклах и машинах он не заикливался. Уж если хлопнуть дверью последний раз, то хлопнуть надо так, чтобы там, за чёрной чертой, не было потом обидно. Чтобы твоё «я», отделившись от суетного тела и смотря сверху на сделанное гордилось тем, что оно совершило. Поэтому он спокойно готовился к своей солдатской работе: заправлял ленты в пулемёты, вскрывал ящики с гранатами и приготовившись к последнему бою, присев в окопе закурил. В пачке ещё оставались папиросы, но он твёрдо знал – эта последняя. Ждать пришлось недолго. Несколько открытых машин с ничего не подозревающей пехотой вползали в сектор обстрела. Зло сплюнув недокуренную папироску в сторону солдат подошёл к первому пулемёту. Недобро усмехнувшись дёрнул затвор, посмотрев последний раз на серое, пасмурное небо и сказал сам себе: "А меня при жизни Мартыном звали!" И прицелившись нажал гашетку...

Зимой 1941 года, когда «непобедимых» германских солдат взашей гнали от Москвы, четверо разведчиков одного их лыжных батальонов на просёлочной подмосковной дороге наткнулись на пару разбитых вдрызг немецких мотоциклов и легковушку «Опель». Мёртвые солдаты сопровождения и офицер так и не успевший выскочить из авто, воронки вокруг, говорили о том, что им не повезло. Авианалёт был безжалостен и точен. Наши «летуны» сработали на отлично. В портфеле у гауптмана красноармейцы нашли документы, которые потом по достоинству были оценены в наших штабах. А ещё там было письмо к отцу, которое отец гауптмана никогда не получит. В политотделе фронта его перевели, ничего не исправляя распечатали как листовку и в тысячах экземплярах выбросили из самолётов другим адресатам на передовой и в ближайших тылах к западу от столицы. Как в любом частном письме сначала шли приветы близким. Но главную мысль, которую гауптман Авель Лянге сообщал отцу стоит процитировать: «Милый папа! Там, в Германии, мы выглядим героями. Но ты сам был солдатом в первую мировую, штурмовал Осовец. И прекрасно понимаешь, как читаются сводки между строк. Да, до Москвы было уже рукой подать. Да, мы стояли там, где в воскресные дни москвичи выйдя из рейсового автобуса расходились по своим дачам. От меня до цели к которой стремился наш фюрер и все мы оставалось 23 километра. Но за нами московский рейсовый автобус так и не прислали. Больше того – нас погнали отсюда обратно! Хотя я был уверен, что рано или поздно так и будет. Многие думающие офицеры тоже предрекали такой исход. Пусть поначалу мы в лохмотья порвали регулярную армию русских, пусть мы продвигались вперёд с невероятной скоростью, но за эти полгода наши потери вылились в такую цифру, что она перекрыла потери за всю кампанию во Франции. Мы радовались, что на начальном этапе вторжения противник сдавался полками, дивизиями и армиями. Но те, что оставались... о, папа, этого нельзя было не заметить, дрались так, что казалось, они забыли слово «смерть»! Я вспоминаю сейчас один случай. В пятидесяти километрах от Минска у развилки дорог стояла высотка. Как наши тыловые службы могли проморгать такое – умом не постигну! Эта высота уже давно была в нашем тылу. Но однажды утром машины моей роты были обстреляны кинжальным пулемётным огнём из замаскированного там дзота. Две минуты спустя заговорил и второй дзот. Мы были на абсолютно открытой местности. И сразу потеряли пятнадцать гренадеров. Пока подъехали миномётчики почти полроты уже были в списках мертвецов. Миномётчики мастерски сделали своё дело. Но поднявшись после боя туда мы были шокированы – единственный солдат пролил столько германской крови за такое короткое время! Грязный, худой, обросший, обтрёпанный, перебегая по окопу из одного дзота в другой! В том окопе и накрыли его минами. Мы были поражены этим поступком. Судя по его виду он шёл по нашим тылам от самой границы! Один! Почему не сдался? Почему, как другие, не стал сотрудничать с нами? Здесь, под Москвой я понял почему. Потому, что мы всё равно проиграем эту войну, папа! Какими бы надеждами себя не тешили в Берлине, в ставке ОКВ. Достойного противника надо уважать. Я приказал похоронить этого русского со всеми почестями. Что и выполнили мои гренадеры отсалютовав над его могилой.

Я был хорошим солдатом и офицером. За моей спиной несколько покорённых стран Европы. Но здесь, в России, мы решили поднять тот неподъёмный груз, от которого надорвался Наполеон. Поэтому я твёрдо решил сдаться в плен. Война всё равно будет проиграна. Но у меня документы, которые ни один уважающий себя офицер не оставит врагу. Доставлю их в штаб и при удобном случае сдамся. Я

постарался быть честным с тобой до конца. Письмо тебе передаст комиссованный по ранению солдат воевавший со мной в Польше. Так оно минует цензуру. И тебе ничего не будет грозить.

Твой сын Авель Лянге.

Декабрь 1941год.

Два с половиной часа

Нет! Так можно свихнуться! Они приходят каждый год семнадцатого июля! Немецкий обер-лейтенант и мой бывший сослуживец Коля Сиротинин. Что их объединяет, двух когда-то непримиримых врагов? Или там, за чертой, все равны? И нет вражды? И почему ко мне? Во сне, под утро? Что им надо? Разве я виноват, что остался жив? Может эти двое знают про меня то, что я забыл? Или совершил тогда? Я закончил войну подполковником, был ранен, вначале хватанул неделю плена, бежал... и дрался потом на всю катушку! Но эти двое приходят с завидным постоянством. В ночь с семнадцатого на восемнадцатое... Как избавиться от них? Как найти ключ к своей внутренней свободе? Придут, молча сядут на пол у стены и как будто ждут чего-то. Чего? Снова и снова перебираю по памяти всю войну. Вроде правильно жил и воевал. Что они от меня хотят? Смотрят так будто ждут объяснений. Каких? Нет, это невыносимо! Сегодня шестнадцатое июля тысяча девятьсот семьдесят... года. Значит завтра они появятся снова. Всё! Баста! Спрошу их в лоб, если они меня услышат: «Что надо и в чём дело?» А может между мной и этими гостями с того света стоит прозрачная стена? Через которую ни черта не слышно? И всё-таки попробую. Потому, что так дальше нельзя! От их молчаливого сидения можно сойти с ума. Пусть приходят завтра ночью, пусть! Лучшая оборона – атака! Буду атаковать! Спрошу. Иначе они от меня не отстанут.

Опять в четыре утра! Вот они, «долгожданные» гости... Всё по накатанной! Обер-лейтенант как всегда достаёт из кармана кителя свою нескончаемую пачку сигарет, закуривает... Странно! Сиротинин, насколько мне помнится, никогда не курил. Всегда отсаживался подальше от куряк на привале, а тут даже не поморщился. Может там у них сигаретный дым не пахнет? Давай-ка поразмыслим, бывший старлей закончивший войну подполковником: если они передо мной оба в форме – значит погибли на войне. По крайней мере в гибели Сиротинина я не сомневаюсь. Это факт неопровержимый. А если с ним рядом немецкий обер-лейтенант, то они имеют между собой какую-то связь... какую? Если этот немец пришёл с ним, значит он тоже убит... где? И почему рядом с Колькой? Спрошу! Я сплю. Значит я тоже как бы с ними за чертой. С той лишь разницей, что проснувшись утром я вернусь в реальный мир. Они нет. Тогда, если мы сейчас вместе за чертой, то должны услышать друг друга. Прежде всего, интересуется немец... кто он? Откуда?

– Не надо спрашивать меня. Здесь мы читаем мысли друг друга. Но Вы живой человек. И поэтому Ваши способности в этом ограничены.

Мать честная! Да он же по-русски... даже без акцента!

– И не удивляйтесь, господин старший лейтенант! Наши возможности в этом плане безграничны!

Господи! Он приобнимает Сиротинина!

– Правда, Николай? И здесь нет такого понятия друг или враг. Мы полностью рассчитались за содеянное. Поэтому с Вами будем разговаривать мысленно. До утра. Но если Вы внезапно проснётесь – мы исчезнем. И уже не сможем понять друг друга.

– Так кто же Вы, обер-лейтенант? И почему всегда приходите вместе с моим старшим сержантом?

– Это легко объяснить. Всех нас связывает семнадцатое июля тысяча девятьсот сорок первого года. Я тоже участник того боя. С противоположной стороны, разумеется.

– Вы хотите сказать, что мы видели друг друга тогда?

Теперь уже Коля Сиротинин отрицательно покачал головой: «Нет, комбат! Не встречались воочию. Но противниками были. Мы с обер-лейтенантом уже здесь познакомились. Сейчас могу познакомить и вас. Все счета оплачены. Каждый получил своё. Так что... Познакомить вас, комбат? Это, – мой бывший сержант кивнул в сторону немца, – обер-лейтенант Фридрих Хёнфельд. Командир той танковой группы против которой я дрался. А это, Фридрих, мой бывший командир батареи – старший лейтенант Николай. Он только перед войной стал у нас комбатом. Так что я больше к нему по званию обращался. Не упомянул фамилию-то. Ты уж прости, комбат.

– Вы, обер-лейтенант, наверное тоже погибли в том бою?

– Нет, господин старший лейтенант. Я погиб позже. Под Тулой. В сорок втором. Тогда ваши солдаты нашли мой дневник и передали военному корреспонденту. Плохо вы чтите своих героев! Если бы такое сделал немецкий солдат – об этом знала бы вся Германия!

– Оставь это, Фридрих! – вижу, как мой бывший сержант пытается сгладить ситуацию. Видимо там у них, за чертой, действительно всё оплачено и враждовать нету смысла. – Ты же сам знаешь, что пёрли вы тогда вперёд со страшной силой. А информация о боях местного значения иногда совсем пропадала. Или опаздывала... или приходила в искажённом виде... часто была противоречивой.

– Это говорит о том, что информационная служба у вас работала из рук вон плохо, что ваша военная доктрина, господин сержант, была не верной! Основные

её положения мы знали с тридцать четвёртого года: «На чужой территории и малой кровью!». Сам подумай, Николай, почему мы выбрали для удара именно двадцать второго июня? Об этом у вас много написано. И согласишься – удар был ошеломляющим! Как ты думаешь, почему мы так резко рванули к Москве? Почему мы за два месяца практически уничтожили кадровую Красную Армию? Да потому, что в тридцатые годы наши офицеры-лётчики обучались у вас в Липецке. А танкисты в Казани. Отвлекаясь от темы нашего разговора: никто не догадался почему на Липецк находящийся в зоне действия люфтваффе не упала ни одна бомба? Это уже спустя десятилетия стало известно: там жила девушка, в которую был безумно влюблён Герман Геринг в тридцатых. Мария, кажется, её звали. Но оставим лирику и установим истину: вот откуда нам были известны ваши новые тактические и стратегические разработки. И вплоть до двадцать второго июня сорок первого года мы были «дружественными армиями». А этот гениальный финт фюрера с договором о ненападении? Хотя ваши историки приписывают эту идею Сталину. Пусть они ломают свои копья! Кстати, наш командующий генерал-полковник Хайнц Гудериан потому и стал одним из главных советников и любимчиком фюрера, что прекрасно знал ваши разработки о применении танков в современной войне. В вермахте даже кличку ему придумали – «Быстрый Хайнц». Мы, поставившие Польшу на колени за неполный месяц, Францию – за тридцать семь дней, проведя совместный парад в тридцать девятом году в Бресте, не учли одного. Стойкости таких как ты. В Европе была логичной и правильной любая капитуляция противника, когда наши танковые клинья рвали чью-либо оборону. Но здесь, в России, появилось то, что не подлежит никакой логике! Какой-то старший сержант Сиротинин, один, на три часа останавливает бронированный кулак любимца фюрера! А позже, под Москвой, мальчишки-курсанты Подольского пехотного училища с одними винтовками держат нас несколько суток... фантастика!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.